

ЗАЛА 18
ШКАФЪ 92
ПОЛКА 5
№ 37.

№ 197 отъ Готшед

Принадлежитъ бурми-
майору Петру Хомякову

ТОРЖЕСТВО ФИЛОСОФІИ

съ

Нѣмецкаго

перевелъ

АНДРЕЙ НАРТОВЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ
1765 года.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ

ЦЕСАРЕВИЧУ

И

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ

НАСЛѢДНИКУ РОССІЙСКАГО ПРЕСТОЛА

И

Королевства Норвежскаго, владѣющему Герцогу Шлезвигъ-Голштинскому, Стормарскому и Дитмарскому, Графу Олденбургскому и Делменгортскому,

МИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ.

ПРЕСВѢТЛѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ
ЦЕСАРЕВИЧЬ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ,

МИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Съ великою радостїю взирая Россїя на ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, дивится отмѣнному раченїю ВАШЕМУ во обученїи наукъ, которыя Государя тѣмъ вяще прославляютъ, и въ потомствѣ безсмертнымъ дѣлаютъ, чѣмъ болѣе Онъ послѣдуетъ источникамъ философїи; комужъ не извѣстны нынѣ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА чрезвы-

чайныя склонности къ онымъ, всякой, а особливо любители музъ сїе довольно видятъ. Разумные и ученые мужи, обитающїе въ Россїи подъ благополучнымъ владѣнїемъ премудрыя и милосердыя ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ, дражайшей Родительницы ВАШЕЙ, прилагающей Матернее попеченїе Свое о приращенїи наукъ и художествъ, оживляются и ободряются духомъ, имѣя обще съ НЕЮ и ВАСЪ Пресвѣтлѣйшаго ГОСУДАРЯ истиннымъ своимъ защитникомъ и покровителемъ. Сїя самая приятная надѣжда побудила меня принять смѣлость, посвятить переводъ мой книги *Торжества Философїи* ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, которая тѣмъ долѣе въ вѣчности пребудетъ, что начертано въ ней неоцѣненное ВАШЕ Имя, которое въ сердцахъ вѣрнѣйшихъ Россїянъ съ несказанною вкоренено любовїю.

За

За чрезвычайное себѣ почту я щастїе, ежели сей малый трудъ мой милостивѣйше ВАМИ принятъ будетъ, и почтется знакомъ особливаго моего благоговѣнїя къ ВАШЕЙ освященной Особѣ, желая всеусердно, чтобъ дражайшїя лѣта ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА протекали въ ненарушимомъ здравїи и благополучїи до позднѣйшихъ временъ человѣческаго вѣка.

МИЛОСТИВѢЙШIЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

всенижайшїй рабъ

Андрей Нартовъ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

При напечатаніи сего перевода за необходимое почелъ увѣдомить читателей о издательницѣ сея книги. Сочинена она госпожею Готшедъ, ученою и разумною женою, мужа (*) весьма прославившагося въ ученомъ свѣтѣ Философіею, Стихотворствомъ и прочими свободными науками, которой исправя Нѣмецкой языкъ, довелъ его до высочайшей степени совершенства, сочинивъ многія полезныя и основательныя

(*) Іоганъ Кристофъ Готшедъ, ординарной Профессоръ Философіи и Стихотворства въ Лейбцигѣ, Университета Децемвиръ, на Королевскомъ жалованье обучающихся студентовъ главный надзиратель, Королевской Прусской и бононской Академіи Наукъ членъ.

ныя правила, касающіяся до чистоты онаго. Онажъ упражняясь въ переводахъ съ Латинскаго и Французскаго языка, многіе книги издала, а особливо немалую похвалу заслуживаетъ переводъ ея Аглинскаго Спекшатора, и сочиненій Парижской Академіи словесныхъ наукъ; опричь сего написала и сама нѣкоторыя сочиненіи, изъ коихъ вышло и сіе въ печать 1739 года въ Лейбцигѣ. Къ сему предприятію побудилъ ее примѣръ госпожи Гомецъ, бывшей въ Парижѣ ученой женщины, которая сочинила книшку именуемую Торжество Краснорѣчія, въ которой разсудила она представить споръ между Философіею, Исторіею, Стихотворствомъ и Краснорѣчіемъ, которой преимущесшвомъ своимъ рѣшило послѣднее. Но хотя Госпожа Готшедъ сіе свободное искусство много почитала, имѣя сама въономъ довольное знаніе, и читая великихъ древнихъ и новѣйшихъ Риторовъ, всегда отмѣнное увеселеніе чувствовала, однако она сама признается въ предисловіи книги сей, что нѣкоторое врожденное побужденіе привлекало ея со младенчества къ ученію Философіи, и

охота

охота ея къ ней такъ съ лѣтами часъ отчасу возрастала, что въ ней гораздо болѣе склонности произвело прилѣжать къ сей наукѣ, и отъ того то произошло, что она приняла намѣреніе, въ благодарность Философіи по примѣру Г. Гомецъ, написать Торжество Философіи, которая наука безъ сомнѣнія всѣ прочія достоинствомъ своимъ превосходитъ. Но дабы Читатели сіе ея сочиненіе не сравняли одинакимъ трудомъ съ госпожею Гомецъ, то она въ изобрѣтеніи предварительницы своей нарочно со всѣмъ различную мысль взяла. Г. Гомецъ представила споръ свой во Греціи, а сія рѣчи свои предлагала въ Римѣ, и еще во храмѣ Аполлоновомъ, которой сооруженъ былъ Цесаремъ Августомъ, для такихъ упражненій. Прежняя взяла случай къ спору завѣщаніе Каллидора, а сія разсудила посвятить свое словопрѣніе Цесарю Антонину, которой въ первыхъ годахъ своихъ, Катиліемъ Северомъ наименованъ. Сіе намѣреніе ея тѣмъ славнѣе, что сей великій государь любленіемъ Философіи, Философскою своею жизнію, и несравненными раз-

разсужденіями своими въ свѣтѣ болѣе извѣстенъ, нежели вѣнцемъ и скипетромъ своимъ. Желаніе ея было, чтобъ показать симъ вымышленнымъ приключеніемъ, какъ Антонинъ, и во младенчествѣ своемъ приготовляемъ былъ къ такому любленію Философіи, которое потомъ обрѣтали въ немъ столь чрезмѣрнымъ; когда намъ Исторія повѣствуетъ, что онъ подлинно уже на 12 году Философскую одежду на себя наложилъ. На самое то время сочинено сіе словопрѣніе, полагая, что дѣдъ сего младаго государя, оставилъ ему самому избирать достоинство будущихъ его наукъ, въ которыхъ онъ упражняться долженствовалъ. Въ семъ спорѣ представленъ Стихотворецъ, Историкъ, Ритор и Философъ, изъ коихъ каждой всевозможными основаніями и правилами доказываетъ преимущества своей н уки, дабы плѣнить сердце младаго Капилія Севера. Госпожа Готшедъ имена двухъ послѣднихъ мужей, такъ оставила, какъ ихъ въ жизни Антонина находятъ; то есть: что его Корнелій Фронто Краснорѣчію, а Юній Рустикъ, о которыхъ

торыхъ онъ въ рассужденіяхъ своихъ всегда съ отмѣннымъ почтеніемъ упоминаетъ, обучалъ Философіи. Сей Цесарь благодарность къ симъ наставникамъ, не только въ жизнѣ ихъ, многими милостями оказывалъ, но и посмерти сему Корн: Фронту и Рустику у Римскаго сената изходатайствовалъ, чтобъ въ честь и память ихъ марморныя статуи здѣлать. Впрочемъ что касается до чистоты, до внятности, и краснаго слога сихъ рѣчей, то всякой читая ихъ признаться долженъ, что Госпожа Готшедъ природной даръ имѣла писать съ такою приятностію, какъ то сіе сочиненіе ясно доказываетъ.

Желательно, чтобъ примѣру ея и въ Россіи послѣдовали благоразумно въ наукахъ воспитанныя женщины, кои по образу Госпожи Готшедъ такъ же безсмертную память въ потомствѣ получатъ, какую она отъ ученыхъ мужей по достоинствамъ своимъ заслужила; такъ что имя сея жены безпристрастнымъ Историческимъ перомъ вѣчности предано, которая къ сожалѣнію

ленію всѣхъ любителей наукъ скончалась въ 1764 году, будучи дочь бывшаго доктора Медицины Кулмуса въ Данцигѣ.

ТОРЖЕСТВО
ФИЛОСОФІИ.

РѢЧЬ I.
ВЪ ПОХВАЛУ СТИХОТВОРСТВА
говоренная
ПУБЛІЕМЪ КАССІЕМЪ.

Никогда не восходилъ я на сїе мѣсто съ такою величайшею радостїю; никогда не бывалъ я болѣе удостовѣренъ о щастливомъ дѣйствїи моея рѣчи, какъ нынѣ. Я долженъ предъ вами, благородные Римляне! предъ вами разумные и ученые судїи, изъяснять изящества науки, всегда и у всѣхъ смертныхъ въ несказанной славѣ пребывающей, и преимуществомъ своимъ со всѣмъ неоспоримой. Я уже довольно щастливъ, что отмѣнная

ная честь удостоила точно меня извѣщать похвалу божественнаго Стихотворства. Не сомнѣваюсь также я, чтобъ оно само не подало мнѣ въ сей часъ помощи, и не придало бы словамъ моимъ той силы, чрезъ которую оно обыкновенно дѣлается сердецъ властительницею.

Ежели бы я одинъ только повиновался той склонности, которая избрала меня со младенчества къ божественнымъ побужденiямъ Стихотворства, то я сего бы мѣста не заступилъ; но и теперь, когда я стою здѣсь предъ симъ знаменитымъ собранiемъ, не могу удержать себя отъ нѣкоторыхъ тайныхъ упреканiй. Развѣ преимущество Стихотворства передъ всѣми протчими науками и художествами не довольно не опровергаемо? Надобноль объ ономъ прежде столь пространно доказывать? Или долженъ я нынѣ Стихотворству говорить слово? Или дѣло онаго сама собою не довольно справедливо? такъ, такъ! столь велика отважность соперниковъ моихъ, что они сей день желаютъ спорить противъ такой науки, которой сами они за собственныя благодарить имѣютъ: и я стыжусь почти, что вступая на сiе мѣсто подкрѣпляю ихъ въ такомъ несправедливомъ поступкѣ.

Однако

Однако, почтенные судїи, повелѣнїе ваше уничтожаетъ скорбь мою. Вы желаете сами того, чтобъ я доказалъ довольными основанїями изяществы моего искусства. Я готовъ вамъ повиноваться въ ономъ, почитая полезнѣе, лучше искусству моему упустить нѣсколько, нежели все. Можетъ быть собственное намѣренїе ваше было, чтобъ объявить высокое достоинство Стихотворства предъ всѣмъ свѣтомъ, и произвесть ему всеобщимъ одобренїемъ величайшую славу. Вы готовы внимать предложенїе справедливаго моего дѣла; и такъ я щажу тотъ трудъ, чтобъ разными хитрыми вымыслами привлечь вниманїе ваше, что и безъ того ни для какого бы Ритора непристойно было, которой бы говорилъ о такомъ дѣлѣ, каково есть мое. Вы узнаете высокое достоинство Стихотворства, и болѣе еще узнаете оное, ежели я вамъ докажу:

Что Стихотворство изъ всѣхъ наукъ и художествъ отечеству полезнѣе и славнѣе.

И такъ предпринимая защищать Стихотворство, говорю я о такой наукѣ, которая по происхожденїю и по дѣйствїямъ своимъ предъ всѣми протчими весьма великое преимущество имѣетъ. Оно есть содержанїе всего; оно

источникъ всѣхъ художествъ и наукъ. Оно искусство, людей на высочайшую степень разума восхищающее. Оно привлекающее и веселое искусство, коего силѣ ни непросвященные народы, ни дикїя звѣри, ниже бездушныя твари противиться не могутъ. Стихотворство есть такой языкъ, которой употребляли первѣйшїе мудрецы для распространенїя добродѣтели между человѣками. Оно первая одежда, прекрасный образъ, въ которомъ премудрость вопервыхъ смертному роду явилась. Оно есть такой способъ, чрезъ которой боги сами смертнымъ показывались. Стихотворствомъ предлагали гаданїя человѣку божественныя благоволенїя; словомъ сказать, Стихотворство есть глаголъ божественный.

Представляя вамъ Стихотворство такимъ образомъ, понимаете вы легко, что я здѣсь не только одинъ родъ Стихотворства, но и всѣ ея роды разумѣю. Я говорю не только о героическихъ пѣсняхъ, коими изображены намъ дѣла и добродѣтели великихъ героевъ, но упоминаю и о пастушьихъ пѣсняхъ, непорочную неповинность и благородную простоту намъ изображающихъ, которыя для того тѣмъ болѣе драгоцѣнны, что не столько шума производятъ. Я говорю не

только

только о важныхъ печальныхъ позорищахъ, (*) примѣчанія достойными приключеніями великихъ особъ пороки ненавистными, и добродѣтели приятными намъ учинить старающихся, но объявляю и овеселыхъ позорищахъ (**), которыя намъ простыми примѣрами, отъ насъ самихъ, или отъ нашихъ сограждан приемлемыми, дѣлаютъ наставленіе, и стараются сомнительнымъ здѣлать въ насъ и самые малѣйшіе погрѣшности, кои еще для того не хороши, что можетъ быть они имени порока не заслуживаютъ. Я говорю не только объ острой и ѣдкой Сатирѣ, которая не оставляетъ до тѣхъ поръ гнать родъ человѣческій горчайшими упреканіями, пока со всѣмъ не уничтожитъ его дурачества; но и о нравоучительныхъ Басняхъ, кои человѣка не менѣе чувствительнымъ образомъ посрамляютъ, такъ что они звѣрей, которыми человѣки управляютъ, представляютъ ихъ наставниками. Я говорю не только о такихъ Одахъ, коими опѣваемъ мы честь боговъ и похвалу безсмертныхъ героевъ, но упоминаю и о тѣхъ пѣсняхъ, которыми изъявляемъ мы отъ части печаль нашу, а отъ части и нашу радость. Всѣ сіи особливыя части разумѣю я подъ именемъ

(*) Трагедія. (**) Комедія.

Стихотворства ; и ктожъ не видитъ , о какой прекрасной наукѣ я слово мое днесь распространяю ? Безъ сомнѣнія для отечества славно то , что гражданъ его разумными , учеными, добродѣтельными и богобоязненными дѣлаетъ. Ибо острота и разумъ обитателей споспѣшествуетъ художествамъ и наукамъ. Добродѣтель гражданъ въ благополучїе приводитъ. Не опровергаемо то, что щастїе и нещастїе наше происходитъ отъ нашихъ дѣйствїй. Добродѣтельный никогда злаго не творитъ , слѣдовательно онъ всегда щастливъ. Наконецъ страхъ Божїй пошлетъ ему милосердїе и благословенїе небесное. Ибо какъ богамъ такую землю не благословить , которая готова возблагодарить всякое новое благо премудраго ихъ провидѣнїя. Какъ не защищать имъ такой земли , гдѣ храмы ихъ сохраняются , и наблюдаются съ совершеннымъ благоговѣнїемъ , и гдѣ обыкли повергать къ стопамъ ихъ жертвенниковъ съ похвалою и благодаренїемъ завоеванныя у непрїятелей побѣдоносныя знаки ? Нѣтъ, инако и быть сему не можно ; намъ извѣстно чрезъ опыты , что безсмертные боги благоговѣнїе и любовь награждаютъ покровительствомъ и благословенїемъ своимъ. Но что приноситъ болѣе чести и славы отече-

отечеству, какъ процвѣтаніе наукъ и художествъ, добродѣтель, и хорошіе нравы жителей, защита боговъ, и изобиліе богатства?

Польза отечества состоитъ въ распространеніи и соблюденія правъ и вольностей своихъ, въ силѣ, и политикѣ, чемъ оно у сосѣдей своихъ страхомъ и въ знати содержится; во множествѣ гражданъ, и во всемъ томъ, чемъ оно у чужестранныхъ не обходимымъ, знатнымъ и любезнымъ учиниться можетъ. Что государству болѣе всего спомоществуетъ, то и умножаетъ болѣе пользу его.

Здѣсь подлинно Стихотворство въ семъ побѣду одержитъ. Я ничего такого говорить не буду, чего бы не могъ утвердить довольными правилами. Но какая нужда мнѣ во многихъ правилахъ? Я могу сослаться только на единственное искусство. Что могъ бы я вамъ сильнѣе всего представить, какъ не оное? Искусство или знаніе много такого утверждаетъ, что намъ еще иногда и сомнительнымъ кажется. Здѣсь не помогаютъ никакія старанія, никакія доводы. Сумнѣвающіеся болѣе всѣхъ должны дѣло почесть справедливымъ, какъ скоро оно знаніемъ или искусствомъ утвердится. И такъ самое сіе знаніе

 прием-

приемлю я себѣ въ помощь. Оно думаю вами вѣроятнымъ почтется! Вы теперь оному не недовѣрять не будете, когда оно служило вамъ вмѣсто доказательствъ многїе вѣки; когда оно только съ моими словами согласно: ежели оно съ моимъ намѣренїемъ сходно; то думаю, что и вы мнѣ одобренїе ваше не возбраните.

Но комужъ не извѣстно то, что Грецїя своимъ Омиромъ, Исїодомъ, Пиндаромъ, Анакреонтомъ, Есхиломъ, Софоклемъ, Еврипидомъ и Менандеромъ прославилась? Не носимъ ли мы еще по сїю пору дѣла сихъ великихъ мужей съ подобострастїемъ и удивленїемъ въ рукахъ нашихъ? Не возбуждаютъ ли въ насъ они чрезвычайнаго почтенїя и въ такой землѣ, которая на свѣтъ ихъ произвела? Не кажется ли, что мы достигли до самаго величайшаго совершенства, когда только насъ хотя съ однимъ изъ числа оныхъ сравняютъ? Однако не у однихъ насъ пребываютъ они въ великой славѣ, и въ ихъ времена знали уже о высокомъ ихъ достоинствѣ, чему приведу я здѣсь нѣкоторые примѣры.

Мы вѣдаемъ, что седьмъ городовъ о чести той спорили, которой изъ нихъ былъ мѣстомъ рожденїя божественнаго

Омира

Омира. По истиннѣ споръ такой, которой сему Стихотворцу тѣмъ болѣе чести дѣлаетъ, чѣмъ менѣе обыкновенно Стихотворцамъ въ отечествѣ ихъ право оставляютъ. Для какого другаго великаго мужа происходилъ когда нибудь такой достохвальной споръ? Омиръ, великїй Омиръ одинъ въ состоянїи былъ приписать тому городу отмѣнное достоинство, которому онъ особливо принадлежалъ. И сїя честь вездѣ такъ основательною почиталась, что ни единое мѣсто охотно лишиться оной не желало, не смотря на то, что Грецїя тогда была во многихъ и другихъ вещахъ славна и знаменита. Или не знаемъ мы того, что Еврипидъ, Македонскимъ Царемъ Архилаемъ, ко двору призванъ былъ, и въ милости у сего, науки любящаго государя, находился; и что сей монархъ и по смерти его еще почиталъ? Ибо, когда Аѳиняне по смерти, тѣла сего великаго стихотворца требовали, то было имъ въ ономъ отказано, и Царь отвѣтствовалъ: что Македоняне сами хотятъ имѣть ту честь, чтобъ у себя погрести такого славнаго Стихотворца. Трагедїи его содержались во Аѳинскихъ хранилищахъ, и такъ много почитаемы были, что Египетскому Царю, желающему украсить ими Александринискую

свою книгохранительницу, ихъ не дали, и они бы никогда ихъ изъ рукъ своихъ не выпустили, ежели бы Царь, прислучившейся дороговизнѣ, не запретилъ во отомщенїе давать имъ хлѣба. И такъ по сей причинѣ принуждены они были растаться съ такимъ великимъ сокровищемъ за спасенїе жизни своей. Но царь сею добычею такъ былъ доволенъ, что не только далъ имъ требуемой жизненной способъ, но и упустилъ имъ такъ же подать, которую должны были заплатить они за вывозъ хлѣба.

Слава сего безсмертнаго Стихотворца не только въ Грецїи, но въ Македонїи и во Египтѣ господствовала. Никакъ, она и въ Сицилїи распространившись, тамъ весьма удивительныя дѣйствїя произвела. Не безъизвѣстно то, что нѣкоторые въ Сицилїи плѣнные Аѳиняне, только для нѣкоторыхъ стиховъ, которые знали они на память изъ Еврипида, паки свободу свою получали. Плутархъ повѣствуетъ намъ, что нѣкогда Кавнискїй, и Корсарами гонимый корабль искалъ себѣ защиты въ Сицилїанской пристанѣ, однако за него никто вступиться не хотѣлъ. Наконецъ спросили находящейся на семъ кораблѣ народъ: не знаетъ ли изъ нихъ кто на изустъ нѣсколько стиховъ Еврипидовыхъ, и когда

они отвѣтствовали , что они ихъ знаютъ , то немедлѣнно съ радостїю ихъ приняли.

Видите ли , какїя удивительныя дѣйствїя имѣло божествевное Стихотворство и у чужестранныхъ народовъ ! Оно такїя вещи производило , коими ни Философїя, ни Краснорѣчїе , ни Исторїя, ниже какая другая наука похвалиться не можетъ.

Не безъизвѣстно намъ еще и то , что Царь Птоломей Египетскїй писалъ Аѳинянамъ , обѣщевая имъ богатые дары , ежели они пришлютъ къ нему своего Стихотворца Менандера. Сей великїй государь , будучи столько силенъ , толико славенъ и богатъ , и разумные Египтяне въ разсужденїи великой премудрости своей прославляющїеся , вѣрили , что имъ многова еще не достаетъ , пока не будутъ имѣть у себя Стихотворца. Не довольно ли велика честь сїя была для Аѳинянъ, что они въ предѣлахъ своихъ такого мужа имѣли , которой благополучїе Египетскаго двора совершеннымъ учинить могъ ? Грецїи не недоставало ни мудрыхъ мужей , ни Риторовъ , ни Историковъ. Для чегожъ теперь не требуютъ отъ Аѳинянъ такого мужа ? Нѣтъ , Египтяне весьма знали то, сколь много преимуще-

мущеcтвуетъ божеcтвенное Стихотвор-ство передъ другими науками. Они были удоcтовѣрены, что въ одномъ Менан-дерѣ все cовокупленнымъ имѣть будутъ, что въ протчихъ только раcсѣяннымъ находилоcь.

Привеcть ли вамъ еще Алекcандра, имѣвшаго у cебя драгоцѣнной клейнодъ, которой онъ ни на что иное употребить не зналъ, какъ для cохраненїя дѣлъ безсмертнаго Омира? Сказать ли вамъ еще, что cей непобѣдимый герой, коего побѣды только cо предѣлами вселенныя оканчивалиcь, имѣлъ обыкновенїе каждую нощь cвой мечь и cтихи Омировы клаcть подъ главу cвою? Доказать ли вамъ еще то, что онъ cимъ хотѣлъ показать, колико много онъ обѣ cїи вещи почиталъ, изъ которыхъ одну употреблялъ для охраненїя живота cвоего, а другую для наcтавленїя отмѣнной души cвоей? Или долженъ я еще предложить доказательcтвомъ cему и то, что cочиненїи cего великаго мужа, произвели cего неcравненнаго героя, а оcобливыя дѣла его меча, только его открыли? Такъ благородные Римляне! Такъ, я бы cїе иcполнилъ, ежели бы только cомнѣвалcя я, что выс ами не неувѣрены были довольно о великомъ доcтоинcтвѣ Стихотворcтва.

Что

Что говорить мнѣ о Римскихъ нашихъ Стихотворцахъ? Или хотимъ быть противъ ихъ столь неблагодарными, и лишать ихъ той славы, которую снискали они отечеству нашему? Или хотимъ тѣхъ посрамить во гробахъ ихъ, которыхъ мы въ жизни много почитали? Нѣтъ! доколѣ Римская добродѣтель непоколебимою пребудетъ, дотолѣ говорить станутъ о сихъ великихъ мужахъ, что были они украшенїемъ своихъ временъ, исправленїемъ нравовъ, приращенїемъ наукъ, щастїемъ своего отечества, чрезвычайнымъ даромъ боговъ, и вѣчною честїю безсмертнаго Рима. Ибо кто живяе и прекраснѣе изъяснилъ великїя дѣла нашихъ предковъ, какъ не наши Стихотворцы? Что поощряло новѣйшихъ героевъ болѣе къ добродѣтели и храбрости, какъ не ихъ сочиненїи? Ежели хотимъ мы лишить чести нашего Еннїя, нашего Лукрецїя, нашего Виргилїя, нашего Овидїя и Варїя, что они отечество наше прославили; то потомки накажутъ неблагодарность нашу. Боги, изъ дѣсницъ которыхъ приняли мы сихъ великихъ мужей, боги да сохранятъ дѣла ихъ отъ погибели, и соблюдутъ ихъ до поздѣйшихъ временъ человѣческаго рода, для доказательства о нашей неблагодарности.

дарности. Но мы обратимся отъ сего. Кто изъ благородныхъ, кто изъ добродѣтельныхъ, кто изъ вѣрномыслящихъ Римлянъ, которой бы похотѣлъ спорить въ томъ, что Стихотворцы отечество наше славнымъ и знаменитымъ здѣлали?

Чрезъ что у сосѣдей нашихъ приходимъ мы въ великую славу, какъ не чрезъ добродѣтель, и храбрость? Но ктожъ опыты обоихъ живяе и ясняе начерталъ, какъ не Стихотворцы наши? Прилѣжанїемъ ихъ слава наша да сохранится и соблюдется до позднихъ потомковъ. Они носить будутъ на рукахъ своихъ труды Стихотворцовъ нашихъ, и обще съ ними соблюдутъ воспоминовенїе нашей власти, нашего великодушїя, нашего разума, нашей неустрашимости; словомъ, всей Римской добродѣтели. И такъ я представилъ примѣрами, и не оспоримо доказалъ, что отечество прославляется своими Стихотворцами. Ктожъ бы не далъ теперь преимущества Стихотворству? Какая бы наука показала мужей превосходящихъ Омира, Виргилїя и Горацїя? Но можетъ быть польза отъ онаго не столь велика будетъ! и можетъ быть отечество, опричь чести, никакой болѣе прибыли отъ своихъ Стихотворцовъ

ожидать не имѣетъ ? Ложная тщета ! неосновательное заключенїе ! Мнѣ весьма легко будетъ доказать противное сему , и сїе есть второе мое предложенїе.

Первая польза , получаемая нами отъ Стихотворства , есть сїя, что оно насъ неповиннымъ образомъ увеселяетъ. Сїе случается не только , когда мы сами божественнымъ побужденїямъ сего искусства предадимся ; но и тогда , ежели читаемъ прекрасныя сочиненїя другихъ Стихотворцовъ. Что приятнѣе читать, какъ не Басни великаго Овидїя? Что можетъ быть прекраснѣе и нравоучительнѣе , какъ не сочиненїи безсмертнаго Омира. Или должно дать преимущество предъ сими дѣлами сухимъ Философическимъ умозаключенїямъ , нѣсколькимъ не вкуснымъ баснямъ историписателей , или нѣкоторымъ слабымъ и безсильнымъ хитрорѣчїямъ Риторовъ ? Мнѣ подлинно сїе не вѣроятнымъ кажется , и думаю, что столь много еще хорошей вкусъ у остроумныхъ Римлянъ не упалъ.

Вторая польза , проистекающая намъ отъ Стихотворства , есть исправленїе нравовъ. Сїя польза такъ справедлива и суща , что въономъ никто сомнѣваться не можетъ. Вы сами благородные Римляне ; вы сами будьте свидѣтелями

моими

моими! на вашемъ приговорѣ желаю я утвердиться. Веселое позорище не самое ли сильнѣйшее есть средство распространять нравоученіе между народа погруженнаго въ невѣжествѣ? И комужъ мы за сіе благодарить инако должны, какъ не Стихотворству? О коль сильны представленія позорища въ человѣческихъ нравахъ, колико живы изображеніи онаго, колико внятны его увѣщаніи! Здѣсь мнѣ добродѣтель непроповѣдуется слабыми и безсильными заключеніями, какъ то сіе Философы дѣлаютъ. Здѣсь не выходитъ ни одинъ воспламенившейся и лукавый Риторъ, которой мнѣ различными выученными на память примѣрами, старается порокъ здѣлать подозрительнымъ, хотя онъ омерзенія мнѣ причинить и не можетъ.

Нѣтъ, позорище приемлетъ себѣ путь гораздо лучшей и надежный. Оно показываетъ мнѣ все, не такъ какъ искусствомъ вымышленное, но какъ оно само собою есть. Здѣсь вижу я самую добродѣтель, вижу въ полномъ ея сіяніи, со всѣми преимуществами, съ сильнымъ покровительствомъ боговъ; словомъ, съ такимъ неподозрительнымъ совершенствомъ, что сердце мое не можетъ отстать, чтобъ не подражать тому,

что

что глаза мои видятъ. Порокъ представляется во всемъ его омерзенiи, здѣсь не обманъ, которой его такъ часто добродѣтели подобнымъ дѣлаетъ, и столь часто насъ въ опасное заблужденiе приводитъ. Ни какъ! я вижу въ самой его срамотѣ, я вижу со всѣми спутниками всѣхъ его естественныхъ наказанiй. Здѣсь зрю я подлинно высокомѣрнаго, которому честолюбiе его приготовляетъ неизбѣжное паденiе. Я зрю невѣрнаго, котораго порокъ его извѣстному нещастiю на отмщенiе готовитъ. Я вижу клятвопреступника, которому пресѣкаетъ жизнь гнѣвъ Божiй. Я вижу всѣхъ сихъ нещастныхъ моими глазами, и провожаю ихъ самихъ во всѣхъ тѣхъ злыхъ дѣлахъ, которыми ввергаютъ они себя въ погибель. Они многiе вѣки еще жили и до меня, однако не менѣе возбуждаетъ во мнѣ ихъ беззаконiе, такое омерзенiе, что я бы самъ умертвилъ ихъ собственными руками, ежели бы они еще живы были. Но сiя любовь къ добродѣтели, сiе омерзенiе къ пороку, тѣмъ глубже въ сердцѣ моемъ вкореняется, которое не принужденно или лукаво, но подлинное слѣдствiе того, что я самъ вижу.

Скажите сами вы судiи! когда видали вы Електру Софоклеву, чтобъ не

имѣть внутренняго омерзенія къ порочному Егисту? Кто изъ васъ не былъ тронутъ жалостію нещастной Царицы Гекубы, которую намъ Еврипидъ представляетъ? Не изображены ли вамъ подлинно смѣшными погрѣшности Аѳинскихъ женъ вообразѣ Праксагоры Аристофаномъ? И что Плавтъ въ комедіи своей о тщеславномъ воинѣ иное мыслилъ, какъ не то, чтобъ показать Римлянамъ своимъ различіе между истинной и ложной храбрости? Такъ, безъ сомнѣнія, позорище есть самой сильнѣйшій способъ, исправлять грубые человѣческіе нравы, и вперять въ ихъ любовь къ добродѣтели. Не самая ли то правда, что примѣры гораздо сильнѣе дѣйствіе въ сердцахъ имѣютъ, нежели всѣ другія роды ученія? Не всегда вѣрятъ тому, что сіе или другое наказаніе за извѣстнымъ порокомъ, которому особливо подверженъ, необходимо послѣдуетъ. Здѣсь противится непрерывное побужденіе строжайшему нравоучителю, и не боится во всѣхъ его доказательствахъ имѣть тайное недовѣріе. Но силѣ позорища ничто супротивляться не можетъ. Оно учитъ его примѣромъ, что онъ безъ наказанія не останется. Оно показываетъ ему самихъ людей, которые ту самую судьбу претерпѣть долженствуютъ

женствуютъ, которая имъ за ихъ злодѣянiе угрожаетъ. Сему доказательству противорѣчить онъ не можетъ! Покрайнѣй мѣрѣ должно вѣрить ему глазамъ своимъ! Славная побѣда! Великая польза позорища, за которое мы Стихотворству благодарить имѣемъ! Но сего еще не довольно судiи! Законъ самъ имѣлъ успѣхъ чрезъ Стихотворство. Кто велъ насъ въ началѣ ко священнымъ источникамъ онаго? Не первые ли то были наши Стихотворцы? Гдѣ были тогда Филсофы, когда Орфей, когда Амѳiонъ, сiи великiе души, мрачныя облака невѣжества проникнувъ, узрѣли первѣе всѣхъ небѣсныя свѣтозарныя лучи безсмертныхъ боговъ? Ктобъ могъ всѣ сiи надобные тайности сохранить до временъ нашихъ? Не дѣла ли были сихъ великихъ мужей, сихъ рѣдкихъ душъ? Не должно поступать намъ такъ несправедливо со прахомъ ихъ, и лишать благодаренiя, которымъ мы имъ обязаны! О дозвольте хотя для сего искусству ихъ имѣть ту справедливость, что оно для государства всего полезнѣе и преславнѣе.

Но я вижу предъ собою такихъ людей, которые о моемъ дѣлѣ еще не увѣрены. Они производятъ возраженiе, которымъ мыслятъ учинить очевидный

 вредъ

вредъ Стихотворству; они говорятъ: Стихотворецъ желающій что нибудь произвесть хорошее, долженъ во всѣхъ другихъ наукахъ быть довольно знающимъ; когдажъ не такъ, то были бы всѣ его сочиненія, единое пустословіе безъ всякой важности и силы. Смотрите благородные Римляне! Доказательство сего возраженія есть знакъ моей искренности. Столь честно обхожусь я съ вами, что не умалчиваю еще и того поношенія, которымъ мыслятъ вредить наукѣ моей. Однако мнѣ не будетъ никакого труда, чтобъ показать соперникамъ моимъ безсиліе ихъ возраженія, и будете чаятельно всѣ со мною согласны.

Я ссылаюсь на первѣйшихъ Стихотворцовъ. Довольно сего будетъ, чтобъ привесть ихъ въ безмолвіе. Не они ли самые отверзли путь соперникамъ моимъ въ наукахъ ихъ? Не обрѣли ли Философы въ безсмертномъ Омирѣ нашемъ воперьвыхъ стѣзи добродѣтели, Риторы прекрасные примѣры Краснорѣчія, Историки справедливое счисленіе времени истинной Родословіи? Гдѣ сыщутъ мыслей прекраснѣе, яснѣе, благороднѣе и славнѣе, какъ Омиръ представляетъ Ахиллеса, Діомеда, Агамемнона, Гектора, Улисса или Аякса говорящими. Гдѣ найдутъ

дутѣ здравѣе нравоученія, какѣ не вѣ его сочиненіяхѣ? Гдѣ подлиннѣе положеніе времени, одно за другимѣ слѣдующ е? Какой бы такой сыскался Философѣ, Риторѣ, и Историкѣ, которой бы противурѣчить могѣ, что Стихотворцы прежде на стѣзи наукѣ ихѣ попали? Гдѣ были Философы тогда, какѣ чрезвычайное согласіе голосовѣ божественнаго Амѳїона укрощало грубыхѣ людей, побуждая ихѣ впервый разѣ построить города? Не получили ли мы сіе благодѣяніе отѣ Стихотворства? Такѣ почтенные судіи! Мы бы еще погружались вѣ заблужденіи, мы бы еще уподоблялись звѣрямѣ дикимѣ, мы не зналибѣ еще ничего о чести, о великодушіи, о справедливости, о храбрости, о законѣ и о всемѣ Римскомѣ сіяніи, ежели бы не было Стихотворства! Премудрыхѣ законовѣ нашихѣ, священными отѣ насѣ почитаемыхѣ, храмовѣ нашихѣ, жилищѣ боговѣ вѣчныхѣ, отечества сѣ горячностію любящаго нами, кровныхѣ своихѣ друзей нами высокопочитаемыхѣ; вольности нашей, за которую пролито столь много крови благородныхѣ Римлянѣ, силы нашей, которою мы властителями свѣта здѣлались, хорошихѣ нравовѣ, изобрѣтеній нашихѣ, всѣхѣ нашихѣ ху-

дожествъ, да и славныхъ дѣлъ нашихъ предковъ, приобрѣтшихъ себѣ у боговъ безсмертїе; всего онаго не имѣли бы мы, не знали бы, невѣдалибъ, когдабъ небыло у насъ Стихотворства. Великїй Фабїй, Децїй, Сципїонъ, Помпей, всѣ великїя Римляне, примѣры Агамемнона, Ахиллеса, Дїомеда, Гектора и Улисса, коихъ описалъ намъ безсмертный Омиръ, представляли въ очахъ своихъ. Симъ Стихотворцемъ воспламяналось поощренїе ихъ къ чести къ любви, къ безстрашїю и къ строжайшей добродѣтели, которыя насъ столь сильными, славными, послушными, и великими здѣлали. Но сїи благородные Римляне, сїи знаменитые герои живутъ паки въ Стихотворцахъ нашихъ, коихъ божественный гласъ сладчайшїя лиры, опѣванїемъ ихъ праха, безсмертными ихъ здѣлалъ, и предалъ отмѣнные заслуги ихъ для подражанїя потомству, вѣчности, такъ что сїе извѣщанїе, въ послѣдователяхъ, подобно столпамъ Милтїадовымъ иного великодушнаго Фемистокла къ поревнованїю поощрять будутъ. Такимъ образомъ обязаны мы благодарностїю Стихотворству не только за бывшихъ до сего времени, но и за будущихъ героевъ. Но что я говорю! Мы болѣе еще отъ нее пользы получили! Такъ благородные Римляне! познанїе

знанїе безмертныхъ боговъ, важное ученїе о безсмертїи душъ, вопервыхъ намъ чрезъ божественнаго Орѳея представленное, музы умножающїя приятныя наши увеселенїя, Паллада ведущая насъ ко всѣмъ источникамъ премудрости, Меркурїй купечеству нашему споспѣшествующїй, Марсъ, во браняхъ противъ неприятелей, воиновъ нашихъ непобѣдимымъ мужествомъ ободряющїй, огненныя громы Юпитера, наказывающїя злодѣянїе смертныхъ, драгоцѣнныя воздаянїя, уготованныя имъ за добродѣтели, истинныя вѣсы, которыми судьбу нашу и дѣла наши онъ взвѣшиваетъ; Елисейскїя поля, обиталище добродѣтельнымъ душамъ ненарушимаго веселїя, мрачныя и страшныя врата Ада, гдѣ лютыя фурїи терзаютъ вѣчнымъ мученїемъ души тиранновъ, желающихъ истребить вольность нашу, хранители безсмертнаго Рима, и словомъ все небо богами наполненное, все сїе, суть дѣйствїи, и откровенїи Стихотворства. Чтожъ мыслите теперь судїи? Или не хотите еще согласиться со мною? Или желаете еще сомнѣваться! Или долженъ я привесть еще примѣры, гораздо сихъ важнѣе?

Когда такъ, то я прибѣгну къ тѣнямъ умершихъ. Я буду заклинать въ

 пользу

пользу справедливаго моего дѣла, покоящїяся души усопшихъ древнихъ мужей. Я буду ихъ молить, чтобъ оставили они днѣсь на краткое время веселыя жилища Елисейскихъ полей, для заступленїя такого искусства, которое они въ жизни всѣмъ протчимъ наукамъ предпочитали.

Востаньте дражайшїя души, отторгните запоры мрачныхъ пещеръ вашихъ. Утвердите потомковъ своихъ въ такой истиннѣ, которую я имъ довольно справедливо доказать не могу. Взоръ вашъ единый удостовѣритъ ихъ о подлинности мною сказываемаго. Они повѣрятъ тѣни предковъ своихъ, чемъ совершенно современникъ и братъ ихъ уличить не можетъ. Приди дражайшїй Еннїй, Стихотворцевъ священными почитавшїй, приди мужественный Ѳемистоклъ, могущїй внимать съ приятностїю гласъ того, которой тебѣ достойнѣе протчихъ похвалы пѣлъ! Востань Африканскїй Сципїонъ! Еннїя толь много почитавшїй, что въ марморѣ гробницы его высѣчь образъ его повелѣлъ! Проснись, Фулвїй, военную добычу, Марсу принадлежащую, посвятить музамъ не постыдившїйся! Востаньте всѣ, и признайте паки преславное достоинство, которое вы въ

жизни

жизни своей въ Стихотворствѣ признавали; но вы Римскія судіи, изъясните мысли свои въ присутствіи толикорѣдкихъ свидѣтелей! Божественное Стихотворство ожидаетъ заключенія вашего, и требуетъ справедливаго рѣшенія.

РѢЧЬ II.

въ похвалу Исторіи

говоренная

ЕН : МЕТІЕМЪ.

Представъ въ сей день предъ вами, мудрые судіи, для защищенія чести Исторіи, и для подтвержденія изящества ея противъ соперниковъ моихъ, желалъ бы я, чтобъ не недоставало силъ моихъ, во удовольствіе такой великой должности. Или хотѣлъ бы я, чтобъ другой, которой обще съ основательнымъ знаніемъ Исторіи, и отъ зависящаго къ ней почтенія, притомъ бы все искусство краснорѣчія имѣлъ, дабы выиграть достоинство такой науки, которое ей по справедливости предъ прочими принадлежитъ. Однако, какой побѣды ожидать долженъ себѣ Историкъ, когда онъ

высоко-

высокопарнымъ словамъ огненнаго Стихотворца, стремительнымъ фигурамъ воспламененнаго Ритора и хитрымъ вымысламъ коварнаго Софиста, ничто иное представить можетъ, какъ глаголъ истинны, чесности и безпристрастія? Сіи то суть свойства Исторіи, и какъ они сами собою ни хороши, однако въ ушахъ тѣхъ могутъ быть слабыми, которые привыкли уже къ ослѣпленію высокопарныхъ предложеній Ритора.

Но какъ не основателенъ страхъ мой, когда смотрю я на тѣхъ, которые судіями нынѣшняго нашего словопрѣнія! Правда, протчими слушателями сомнѣніи мои всеконечноб принятны были, но отъ васъ я, разумные мужи, сего не опасаюсь. Самое достоинство ваше обязываетъ васъ должиостію, смотрѣть болѣе на связность предлагаемыхъ основаній, нежели на то искусство, коимъ они представляются. Достоинство ваше дѣлаетъ васъ самихъ защитниками истинны не украшенной. Не возъимѣли ли бы вы сами гнѣва, ежели бы сказали, что вы наружнымъ видомъ ослѣплять, и ложными основаніями плѣнять себя дозволяете? Никакъ, благородные, и разумные судіи! Я ничего не опасаюсь. Вы тѣмъ болѣе защищать будете

честь

честь Исторїи, чемъ менѣе вспомогательныхъ способовъ находится къ защищенїю ея.

Она тѣмъ благороднѣе и прекраснѣе покажется вамъ, когда представлена будетъ вамъ въ естественной ея красотѣ, и побѣда ея тѣмъ свойственнѣе будетъ Исторїи, когда она ее ни съ какими способами краснорѣчїя раздѣлить не должна. Я самъ обѣщеваю себѣ тѣмъ болѣе отъ васъ благосклоннаго вниманїя, проповѣдуя истинну единственнымъ источникомъ того, о чемъ я говорю. Вы тѣмъ болѣе тронуты будете жалостїю о несовершенствѣ моего предложенїя, для того что мнѣ не недостаетъ въ хорошихъ предложенїяхъ, но только имѣть я буду недостатокъ въ тѣхъ украшенїяхъ, кои часто недостойныя вещи хорошими изображаютъ. И вы думаю я, всѣ согласитесь въ томъ со мною, когда я неоспоримо докажу вамъ:

Что Исторїя изъ всѣхъ свободныхъ наукъ и художествъ отечеству полезнѣе и славнѣе.

Ежели бы Исторїя никакихъ иныхъ пользъ съ собою не приносила, какъ только чтобъ она именовала намъ нѣкоторыхъ великихъ людей, повѣствуя сухимъ образомъ дѣянїя древностей, извѣст-

извѣстные дни и годы, назначивая, когда разныя приключенiи воспослѣдовали; тобѣ она не достойна была ни нашего вниманiя, ниже почтенiя нашего. Мало нужды намъ въ томъ, какъ сей, или тотъ великой герой назывался: мы не много спрашиваемъ о томъ, что за Ассирискимъ правленiемъ слѣдовало Вавилонское, а за симъ Мидское и Персидское царство Или исправимся мы отъ того, когда узнаемъ начало к кого города, или паденiе какого мѣста? Но Исторiя имѣетъ дѣло съ вещами гораздо сего важнѣйшими. Она приноситъ намъ пользы, въ которыхъ мы великую имѣемъ необходимость. Она показываетъ, какъ государство каждое основано, благополучно содержано, и въ совершенство приведено. Она увѣдомляетъ насъ, какъ оно на такую высочайшую степень достигло, которой мы удивляемся, и отъ какихъ причинъ паки оно упало. Исторiя наставляетъ насъ о нравахъ, о обычаяхъ, о законахъ и о душевныхъ склонностяхъ народа. Она замѣчаетъ добродѣтель, знанiе, пороки, и силу его владѣтелей. Она показываетъ, какими дѣлами они получили и содержали ихъ, и какiе употребляли способы для размноженiя благополучiя земель своихъ и народовъ. Она описываетъ намъ, и какъ сiе не

важная

важная польза! науки, и художества каждаго народа. Она повѣствуетъ намъ точно ихъ происхожденїе, возращенїе и упадокъ. Но я скажу еще болѣе; мы бы отъ всего онаго не имѣли никакой пользы, и вся бы наука Исторїи не помогла намъ, естьли бы перо оныя не было отъ лжи свободно, и источникъ, изъ котораго черпаетъ она, не была бы самая истинна. Мы не должны въ семъ сомнѣваться; ни одинъ льстецъ не былъ еще никогда хорошимъ Историкомъ; честность, и безпритворная искренность, суть главныя свойства хорошаго Историка. И Исторїя одна имѣетъ право еще предъ всѣми науками, именовать не пристрастно пороки въ государяхъ, и выхвалять добродѣтель въ подданныхъ. Одно только имя Исторїи все сомнѣнїе уже пресѣкаетъ. Словомъ, ей могу я надежно вѣрить. Я могу быть увѣренъ, что я все повѣствуемое ею мнѣ, точно бы обрѣлъ такъ, какъ бы я самъ въ тѣ времена жилъ; и для того не долженъ сомнѣваться, чтобъ она изъ пристрастїя одно умалила, а другое увеличила, опровергалабъ истинну, и подтверждалабъ ложное.

И такъ видите вы благородные Римляне, сколь преславна наука сїя, о

которой

которой я говорю; какъ много преимуществуетъ она передъ протчими, и какъ далеко превосходитъ она самое Стихотворство, которое намъ Кассїй съ такимъ Стихотворческимъ пылкимъ жаромъ защищалъ, коего существенныя украшенїя суть басни, вымыслы, и ласкательствы. Подлинно въ разсужденїи сихъ изрядныхъ свойствъ преимущество получить долженствуетъ Стихотворство, и мы охотно отдадимъ ей такїя преимущества, которыми самая правда въ рѣчахъ ея подозрительною дѣлается. Мы оставимъ охотно Стихотворцамъ ихъ басни, удивительныя ихъ игрушки, и не промѣняемъ всего на искренность нашу, и на неукрашенную нашу вѣрность.

Стихотворецъ нашъ представилъ богатство, процвѣтанїе наукъ и художествъ, власть и славу чужестранныхъ земель, мудрость и справедливость, и изобилїе, какъ вещи отечеству полезныя. Я симъ изъясненїемъ доволенъ, и присовокупилъ къ оному еще и то, что отечеству особливо полезно то, что ему великихъ людей производитъ. Ибо сїи были во всѣ времена изобрѣтателями полезныхъ дѣлъ и учрежденїй, защитниками законовъ, отцами подданныхъ, страхомъ неприятелей, и столпами государства. Ежели бы не было

Рому-

Ромула, то не былъ бы построенъ и Римъ великїй. Безъ Ликурга Лакедемоняне не имѣли бы хорошихъ законовъ; безъ нашихъ Помпейевъ, Сципїоновъ, Катоновъ, Децїевъ, Фабїевъ и другихъ героевъ имъ подобныхъ, Римъ не былъ бы обиталищемъ наукъ, и не здѣлался бы такимъ сильнымъ и богатымъ городомъ.

Представьте предъ очами вашими весьма ясно, благородные Римляне, мужа, жертвующаго благополучїе республики скупости своей, зависти и ненасытимой гордости. Онъ будетъ продавать всѣ чины. Онъ будетъ почитать государственное сокровище своимъ имѣнїемъ. Онъ отягощать будетъ несносными податями гражданъ. Онъ самъ будетъ единый путь, чрезъ которой въ разныя достоинства войти будетъ можно. И чтобъ получить его милость, то вѣрнѣйшая дорога къ сему будетъ, рука наполненная золотомъ. Такимъ образомъ онъ приобрѣтетъ себѣ вскорѣ великую прибыль. Онъ одинъ составлять будетъ верьховный совѣтъ, и всенародныхъ отцовъ. Онъ будетъ требовать отъ всѣхъ желающихъ снискать его милость, болѣе нежели подлаго подобострастїя. Ктожъ ему онаго не окажетъ, кто слова его не приметъ божественнымъ изреченїемъ,

тотъ

тотѣ его злодѣй, и не долженѣ льстить себя, чтобѣ могѣ достичь какого щастія при всѣхѣ своихѣ достоинствахѣ. Онѣ будетѣ всѣмѣ честнымѣ и знатнымѣ людямѣ завидовать, и искать станетѣ, чтобѣ умѣншить ихѣ власть. И ежели онѣ хитростію и властію своею вѣ такую силу придетѣ, то граждане должны будутѣ подѣ его правленіемѣ стѣнать, какѣ подѣ тягчайшимѣ игомѣ какого нибудь тиранна. Надмѣнность его произведетѣ вѣ немѣ нравы, состояніе его превышающіе. Онѣ постыдится быть гражданиномѣ республики своей, и по крайней мѣрѣ дѣтей его приведетѣ вѣ такія обстоятельства, чтобѣ они отѣ отцовѣ своихѣ похищенныя изѣ государства деньги, по образу чужестранцовѣ, и какѣ такихѣ людей, которые за честь себѣ поставляютѣ, чтобѣ предать забвенію отечество свое, наискорѣе расточили. Непорядочныя его страсти, запутаютѣ государство вѣ безполезную и нещастную войну, и тогда не покажется уже безбожнымѣ, чтобѣ ради скорѣйшей прибыли измѣнить городу, здѣлать худыя приготовленіи своимѣ для неприятеля, и обратить все кѣ тому, чтобѣ предать ихѣ вѣ руки неприятелямѣ. Чтожѣ думаете теперь, благородные

 Римляне

Римляне, не великЪ ли сей мужЪ? Не подпора ли всеобщаго благополучія? Не отецЪ ли отечества? Не менѣе! ОнЪ самое тожЪ, что былЪ Катилина вЪ РимѣЪ, язва отечества; зло республики, и несносное бремя вселенныя.

Разсмотритежъ со мною вѣрнаго и добродѣтельнаго сына отечества; вообразите его живо вЪ очахЪ вашихЪ. Вы увидите, что онЪ государству, то силою своего разума, то великодушіемЪ своимЪ, то щедротою своею, услуги оказывалЪ. По примѣру его должно представлять себѣ совершеннаго человѣка. ОнЪ будетЪ свято сохранять градскіе законы, и печься станетЪ о ненарушимомЪ ихЪ соблюденіи. ОнЪ будетЪ защищать науки и награждать любителей ихЪ, онЪ бдить будетЪ о процвѣтаніи гражданЪ; онЪ совѣтовать будетЪ вЪ дѣлахЪ своихЪ сЪ премудростію и сЪ правдою. Имѣніе его, сокровища его, на всегда готовы будутЪ ко услугамЪ всего общества: но государственное сокровище будетЪ для него святынею, коего приумноженіе зависитЪ отЪ его раченія, небреженіежЪ онаго, безчестіе, о чемЪ ему никогда и мыслить не должно. ОнЪ внѣ приводить будетЪ вЪ славу, честь своего народа, заключать сЪ сосѣдами союзы, и

ихъ сохранять ; онъ отмщать будетъ неправду, учиненную его городу, какъ въ войнѣ храбрость, такъ въ мирѣ премудрость свою оказывать. О себѣ самомъ, о жизни своей, о дѣтяхъ своихъ, о друзьяхъ и о имени своемъ помышлять будетъ онъ, какъ о послѣднихъ вещахъ, и паче всего старанїе приложитъ о сохраненїи благополучїя отечества. Словомъ сказать, собственная жизнь его, не будетъ ему столь драгоцѣнна, ежели только онъ лишенїемъ ея, отечеству своему пользу принесть можетъ. Вотъ, благородные Римляне! сей то есть подлинно великой мужъ! О такихъ подпорахъ всего общаго благополучїя, говорю я: и когда чрезъ нихъ мореплаванїе, художества и науки въ цвѣтущее состоянїе придутъ, ежели государство чрезъ такихъ людей здѣлается сильнѣя, богатѣе, разумнѣе, храбрѣе, ученѣе и благополучнѣе; то никто отрицать уже того не дерзнетъ, чтобъ они государству весьма полезны не были.

Я не знаю, ктобъ въ томъ сомнѣваться сталъ, что есть такїя великїя души на свѣтѣ? Они всеконечно есть! Мы такихъ имѣли. Вспомнимъ только о младомъ Плинїѣ, не благоразумно ли употреблялъ онъ имѣнїе свое!

Какъ не полезенъ онъ симъ отечеству, своимъ родственникамъ, друзьямъ и всѣмъ тѣмъ, которымъ въ томъ нужда была! Сему данное взаймы, приноситъ онъ въ даръ. За другова платитъ онъ долги, въ которые по необходимымъ причинамъ войти долженствовалъ, здѣсь умножаетъ онъ цѣну дщери знаменитаго человѣка, дабы могла она получить себѣ супруга, приличнаго своему состоянїю. Тамъ даетъ онъ иному деньги, чтобъ здѣлался ими Римскимъ дворяниномъ. Другому, чтобъ оказать благодѣянїе свое, продаетъ деревню за дѣшевую цѣну, которая великихъ денегъ стоитъ. Еще иного снабжаетъ онъ деньгами, чтобъ ѣхалъ онъ во свое отечество, и окончалъ бы тамъ дни достальныя жизни своей въ покоѣ. Книгохрательницу свою даритъ онъ отечеству своему, съ такимъ еще доходомъ, которымъ ее содержать можно; онъ узаконяетъ такимъ общимъ учителямъ жалованье, которые обучаютъ юношество, и дѣлаетъ учрежденїи для воспитанїя сиротъ и другихъ бѣдныхъ дѣтей. Мы столько еще щастливы, что по сїю пору имѣемъ у себя такихъ мужей. Однако кому благодарить мы за ихъ должны? Не опровергаемо благодарить должны одной только Исторїи.

Сїя

Сїя описываетъ дѣла величайшихъ героевъ во всей естественной ихъ красотѣ. Она увѣковѣчиваетъ какъ порокъ, такъ и добродѣтель, сїю къ живому поощренїю, а того ко ужасу. Она повѣствуетъ благополучныя слѣдствїи благородныхъ свойствъ мужей великихъ, любовь у своихъ сограждановъ, страхъ у своихъ неприятелей и заступленїе боговъ, которыхъ они сами себѣ приобрѣли защитниками. Здѣсь величайшїе обладатели сея земли наставляются не чудновымышленными баснями, ни школьническими умствованїями, ни дикимъ огнемъ Ораторическихъ фигуръ. Здѣсь научаетъ одинъ герой, одинъ государь другаго. Исторїя представляетъ царямъ все царей, воюющимъ полководцамъ, величайшихъ полководцевъ. Она показываетъ имъ всѣ знатныя воздаянїя, которыя приобрѣли они себѣ добродѣтелями. Она обѣщаетъ дѣламъ ихъ равномѣрко ту же безмертную память въ потомкахъ, которую она протчимъ не возбранила. И при всемъ томъ, показываетъ имъ безпристрастное перо, которое послѣдующимъ временамъ, какъ за погрѣшности и пороки ихъ, такъ за хорошїя свойства и добродѣтели ихъ, справедливо отвѣчать будетъ.

Ктожъ не видитъ теперь, что нѣтъ лучше, нравоучительнѣе, и полезнѣе училища для знаменитыхъ людей, какъ Исторія? Младый государь, препровождающій юныя лѣта свои всегда между такими людьми, которые у него подлымъ ласкательствомъ себѣ дорогу къ щастію отворить желаютъ, которые безпрестанными своими погрѣшностями приводятъ его въ опасность погрузиться со всѣмъ въ пороки, не подумаетъ о томъ, чтобъ истинна въ предразсужденіяхъ его дѣлъ, малое хотя имѣла участіе. Но Исторія показываетъ ему то время, когда склонности его, дѣла и нравы его въ непритворномъ ихъ видѣ представятся, когда его добродѣтели и пороки точно сравнивъ, здѣлаютъ изъ того такое заключеніе, которое у потомства въ рукахъ быть должно. Сіе трогаетъ честолюбіе благородныя души, и производитъ часто гораздо сильнѣйшее побужденіе къ добру, гораздо болѣе омерзенія ко злу, нежели все прочее, что съ нимъ до сего не происходило. Объявить ли вамъ еще примѣръ Ѳемистокла, которому благородныя дѣла Милтіада покоя не давали? и представить ли Цесаря, котораго къ благороднѣйшему подражанію побудили изящества Александровы? Кому сіи, и еще

еще многїе сему подобные примѣры не извѣстны? Примѣры были за всегда сильнѣйшимъ родомъ нравоученїя, и они гораздо скоряе склоняли такїя души, которыя довольно гордостїю надмѣнны были; столь велика польза отъ Исторїи намъ происходящая! Она увѣковѣчиваетъ память великихъ людей, въ пользу всѣхъ тѣхъ, которыхъ она сими живыми представленїями къ добродѣтели побуждаетъ, и слѣдовательно подаетъ великимъ людямъ случай быть не только въ жизни своей, но и по смерти отечеству, да и всему свѣту полезными.

Здѣсь не могу я никакъ удержаться, чтобъ не разсуждать о смѣлости нашего Стихотворца, которой отважился въ жару рѣвности своей, лишать Исторїи всего увеселенїя, какъ будто собранїя невкусныхъ сказокъ. Мы изъясненїе оное причтемъ всегда Стихотворческой вольности, и не будемъ мѣшать его чести, которую получитъ онъ отъ сей дерзновенной рѣчи. Что Стихотворство упражняется въ сказкахъ и басняхъ, сїе извѣстно, и такъ далеко въ нихъ углубилось, что они собственно ей только одной принадлежатъ, и бываютъ особливымъ ея украшенїемъ. Но чтобъ Исторїя когда нибудь на басни

промѣнена была, то мысль сїя со всѣмъ будетъ новая, ко изобрѣтенїю которой необходимо надобенъ былъ Стихотворецъ.

Такогожъ состоянїе и нравоучительное его позорище; скажи мнѣ Кассїй, откуда возметъ Трагической твой Стихотворецъ всѣхъ тѣхъ великихъ особъ, которыхъ онъ на театръ выводитъ? Не Историкъ ли долженъ ему какъ ихъ, такъ дѣла и приключенїи оныхъ представить. Повѣствованїе наше, не источникъ ли всѣхъ его театральныхъ сочиненїй? Я признаюсь въ томъ, что онъ изображаетъ ихъ другимъ языкомъ, какъ нежели Историкъ, но и думаю еще, что самою Стихотворческою одеждою, иное дѣйствїе не выиграетъ болѣе, какъ только что оно нѣсколько невѣроятнымъ покажется. И я не вижу, для чегобъ разумный государь, и великой полководецъ, чрезъ сїе увеличился болѣе, когда его высокопарный Стихотворецъ во всѣхъ его рѣчахъ научаетъ употреблять слогъ надменный, какъ будто бы онъ въ повѣствованїяхъ во всей его естественной великости казался. Еще ссылается онъ на тѣ пользы, которыя имѣетъ законъ отъ его Стихотворства. Но и при семъ случаѣ Исторїя опровергнувъ его, въономъ побѣду

бѣду одержитъ. Или думаетъ онъ о смѣшныхъ басняхъ и о гнусныхъ вымыслахъ, коими Стихотворцы истинному его благоговѣнїю къ богамъ болѣе вредили, нежели подавали помощь? Возможноль выдумать гдѣ нибудь слабость, преступленїе или порокъ, которой бы богамъ не былъ Стихотворствомъ присвоенъ? И не постыдились ли бы сами смертные предпринимать такїя непорядочныя поступки, какїя намъ Омиръ и Овидїй о безсмертныхъ обитателяхъ неба повѣствуетъ! Кому не извѣстно то, что Омировы герои богамъ, а боги его не совершеннѣйшимъ человѣкамъ уподобляются? Я бы говорилъ здѣсь болѣе, и упомянулъ бы о нѣкоторыхъ дерзновенныхъ вымыслахъ, которые Стихотворцы о богахъ здѣлали, ежелибъ не почиталъ безбожнымъ расказывать только о такихъ дѣлахъ, кои они безъ стыда въ сочиненїяхъ безсмертными учинили. Но какъ можетъ нашъ Публїй Кассїй желать того, чтобъ мы хотя малое почтенїе имѣли къ такой наукѣ, которая благоговенїю къ богамъ столь много предосудительна? Какъ повѣрить можемъ ему, что Стихотворство спомоществуетъ закону, когда оно священные источники, изъ коихъ все благоговенїе проистекаетъ, такъ безчестно заразило?

въ которой наукѣ найдутся такія ясныя стѣзи провидѣнія, такіе знаки божественной власти, какъ не въ моей? Исторія въ распространеніи закона имѣетъ большее участіе, и Историки всеконечно въ ономъ никому преимущества не уступятъ.

Чтожъ касается до его Омира, котораго хотѣлъ онъ поставить учителемъ всѣхъ Историковъ; то я увѣрилъ его, что онъ безъ довольнаго основанія въ ономъ противоборствуетъ. Когда Омиръ Троянскую войну и приключеніе Ахиллеса повѣствуетъ, то почесть его можно болѣе Историкомъ, нежели Стихотворцемъ. Самые Историческіе знаки, которые оказываетъ онъ въ себѣ, дѣлаютъ Одиссею и Иліаду его вѣроятною. И я увѣренъ, что все Стихотворческое, въ тѣхъ сочиненіяхъ находящееся, ничего болѣе не дѣйствуетъ, какъ только что онъ чрезъ сіе, и самыя справедливыя приключеніи въ нѣкоторое сомнѣніе приводитъ. Кто знаетъ, повѣрили ли бы мы Омиру хоть мало во всѣхъ его повѣствованіяхъ, ежели бы наши Историки, Дарій Фригискій и Диктій Критенской, нѣкоторыхъ случаевъ не подтверждали, и не показали бы намъ симъ, въ чемъ Омиръ какъ Историкъ истинною пользовался, и въ чемъ онъ

яко

яко Стихотворецъ прибѣгалъ къ вымышляемымъ басням. Такая наука, которая оставляетъ потомству вѣроятныя дѣла великихъ людей, безъ сомнѣнія для отечества славнѣе. Чрезъ сїе пребудетъ память о государствѣ до позднѣйшихъ временъ человѣческаго рода. Слухъ о его власти и о славѣ останется еще и тогда въ хорошей памяти, когда и скоропостижныя премѣны времени приведутъ его въ паденїе. Чтожъ похвальнѣе для государства, какъ не такїе великїе люди, коихъ оно на свѣтъ произвело, воспитало и погребло? Богатство, великолѣпїе, драгоцѣнныя зданїя не служатъ къ подлинной чести, для того что ихъ какъ въ порокахъ погруженные, такъ подлые, благородные и добродѣтельные люди имѣть могутъ; но великїе люди истинная честь отечества. Они весь народъ дѣлаютъ благороднымъ, щедрымъ, справедливымъ, храбрымъ, искреннимъ, трудолюбивымъ и добродѣтельнымъ; сего никто опровергать не можетъ, кто самымъ дѣломъ примѣтилъ, что нижняго достоинства люди всегда ведутъ себя по мыслямъ великихъ людей; и что премудрое правленїе нравы цѣлаго народа перемѣняетъ. Одинъ Ликургъ дѣлаетъ всю Спарту разумною. Одинъ Александръ при-

приводитъ все свое войско въ храбрость, одинъ Катонъ цѣлый Римъ дѣлаетъ великодушнымъ, и ктожъ не видитъ, что всѣ наши граждане подражаютъ премудрости кроткаго Антонїя? Чтожъ можетъ быть славнѣе для государства, ежели похвала добродѣтели его, хорошихъ его нравовъ, мужества его, силы и разума его, во всемъ свѣтѣ распространяется? Сїя есть единственно сущая слава, о которой всѣ народы стараться должны, и которую Римская республика во всемъ свѣтѣ столь щастливо себѣ приобрѣла. За сїю похвалу благодарить имѣемъ мы великимъ людямъ, коихъ имѣли мы по сїе время у себя божественнымъ даромъ; или паче благодарить должны за сїе Исторїи, которая великихъ людей производить можетъ. Брутъ, Катонъ щастливые послѣдователи Децїя и Фабїя, и Цесарь нашъ столь достохвально подражавшїй Александру, имѣли учительницею своею Исторїю. Жизнь наша есть только краткое мгновенїе въ разсужденїи многочисленныхъ лѣтъ послѣдующихъ въ вѣчности. Чтожъ могли бы мы въ такое краткое время выучить, изобрѣсти и совершить, ежели бы намъ Исторїя не показывала, какъ будто бы въ пространномъ полѣ, все то, что до насъ воспо-

слѣдо-

слѣдовало, увѣдомляя, что другіе еще до насъ дѣлали, и что еще они намъ докончить оставили? Когдабъ она не начертала намъ беспристрастно погрѣшности великихъ людей, и тѣмъ не оставила бы намъ опасаться, чтобъ равномѣрно вѣоныя не ввергнуться? Сколь великое множество приуготовленій погибло бы, колико браній были бы тщетны, ежели бы Исторія не увѣдомляла насъ, какія предприятія въ такихъ случаяхъ употребляли, и какія изъ нихъ добрыми или худыми окончились! Все сіе показываетъ довольно, что Исторія единственная учительница, лучшая школа великихъ людей. Кто споритъ же, что принадлежитъ ей та честь, которую чрезъ сіе доставляетъ она народу, и что Исторія государству всего похвальнѣе.

Хотя Стихотворецъ нашъ и искалъ величайшей славы государству въ своихъ Стихотворцахъ; однакожъ и всѣмъ случаѣ поступилъ онъ гораздо много. Я не спорю, что всѣ разумные люди для отечества похвальны, но чтобъ они воспящали путь великимъ героямъ, того ему никто не проститъ. Города сооружать, давать законы и ихъ защищать, ополчаться за вольность отечества, брать земли, выигрывать побѣды, укрощать гражданскія безпокойства

ства, и быть страхомъ своихъ неприятелей, суть вещи такія, которыя со всѣмъ опровергаютъ достоинство всѣхъ его Трагедій, героическихъ пѣсній и еклогъ; и я дозволяю вамъ помыслить самимъ, благородные Римляне, пожелали ли бы вы промѣнять одного Сципіона, одного Брута или Катона на десять Омировъ? О коликожъ превосходитъ прекрасная Исторія всѣ протчія художества и науки! Она имѣетъ великими Ромула, Нума, Деція, Сципіона, Помпейя, Катона, Брута и всѣхъ другихъ героевъ, и ими безсмертный Римъ нашъ, великою, вольною, богатою, разумною и сильною республикою, страхомъ неприятелей и обладателемъ вселенныя, и воспитателемъ всѣхъ художествъ и наукъ здѣлался. Одна Исторія знаетъ только награждать великія дѣла: она единая имѣетъ въ рукахъ своихъ достоинство вѣчности, которое отдаетъ безъ пристрастія заслужившимъ оное благородными дѣлами. Она единая супротивляется естественнымъ законамъ, правамъ смерти, и оставляетъ тѣхъ живыми, кои бы смерти и погибели преданы быть должествовали. Она просвѣщаетъ разумъ всѣхъ временъ чрезъ прошедшія времена. Она поощряетъ благородныя души внучатъ, вели-

великими дѣлами предковъ ихъ, и имѣетъ обхожденіе и между такими людьми, коихъ строгая дѣсница судьбы, многіе вѣки другъ со другомъ разлучила. Она есть всеобщее училище рода человѣческаго. Она научаетъ какъ Царей, такъ и подданныхъ, какъ полководцевъ, такъ и воиновъ. Когда подлый Стихотворецъ государямъ ужаснѣйшія ласкательствы сказываетъ, и тѣмъ подкрѣпляетъ ихъ въ порокахъ, то представляетъ предъ глаза ихъ, истинну любящая Исторія, мерзскаго Калигулу, лютаго Нерона, немилосердаго Нерона, кои хотя въ жизни своей почитаемы и обожаемы были, но по смерти чудовищемъ рода человѣческаго, и омерзеніемъ свѣта обнародованы. Напротивъ того показываетъ она имъ Тита и Трояна, коихъ прахъ еще по сію минуту священнымъ почитается, и коихъ драгоцѣнную память потомки во вѣки почитать не престанутъ, словомъ сказать, Исторія есть содержаніе всего нравоученія, строжайшая наказательница злыхъ дѣлъ, и прекрасное воздаяніе добродѣтели. Она открываетъ пороки, сохраняетъ отъ предразсужденій, она показываетъ путь какъ къ истинной чести, тамъ и ко блаженству. Она научаетъ любить доброе и пренебрегать худое, вникать

въ

въ слѣдствіи всякой вещи, производитъ великія дѣла, цѣлые народы щастливыми дѣлать, и во всѣхъ дѣйствіяхъ имѣть себѣ предмѣтомъ честь, разумъ, великодушіе и добродѣтель. Сія то есть, почтенные судіи! сія то есть наука, за которую я вступаюсь. Разсуждайте теперь. Рѣшите мнѣніемъ своимъ, которое зависитъ отъ вашего достоинства. Справедливость сама ожидаетъ отъ васъ своей судьбины. Исторія требуетъ отъ васъ себѣ воздаянія. Говорите, и объявите мнѣ рѣшеніе ваше. Но помыслите, что вѣчное перо Исторіи сіе написавъ, предастъ потомству на безпристрастное разсужденіе.

РѢЧЬ

РѢЧЬ III.

ВЪ ПОХВАЛУ КРАСНОРѢЧІЯ

говоренная

КОРНЕЛІЕМЪ ФРОНТОМЪ.

Терпѣніе, почтенія достойные судіи, вниманіе, благородные Римляне, съ которымъ вы нашего П: Кассія, и нашего Ен: Метія, похвалу ихъ наукъ выслушать соблаговолили, дозволяетъ мнѣ льстить себя надеждою, что вы и Краснорѣчію равномѣрное право отдать не преминете. Сіе несравненное искусство заслужило особливо, какъ вашу, такъ и всей республики похвалу: вы обязаны оному столько благодарностію, что я не сомнѣваюсь

юсь о вашемъ на то согласіи, не пороча притомъ вашей добродѣтели. Но можетъ быть я самъ препятствовать буду щастливому успѣху моего дѣла. Безсиліе мое воспрепятствуетъ побѣдѣ Краснорѣчія. О семъ то я имѣю попеченіе. Я желалъ бы усердно, чтобъ искуснѣйшій Риторъ заступалъ мое мѣсто. Сей бы здѣлалъ той наукѣ, о которой я говорить долженъ, болѣе чести, и учинилъ бы ее гораздо славнѣе. О естьли бы еще въ живыхъ былъ Демосѳенъ, которой прежде чрезъ краснорѣчіе свое истиннымъ щастіемъ Аѳинянъ здѣлался! О когда бы жилъ только еще Цицеронъ, которой между вами, благородные Римляне, многажды справедливыя дѣла защищалъ, и великія предпріятія производилъ въ дѣйство! Сколь щастливо было бы Краснорѣчіе, ежелибъ оно еще нынѣ къ защищенію своему имѣло такого мужа, которой вспомоществованіемъ оружія своего, неповинности, истиннѣ, вольности и добродѣтели подпорою былъ! Однако почто опечаливаю я васъ воспоминовеніемъ лишенія его! Здѣсь нѣтъ времени проливать слезы, но время производить справедливое дѣло. И такъ не намѣренъ я сомнѣваться далѣе о силахъ моихъ. Преимущества свойственныя моей

ей наукѣ, будутъ во устахъ и несовершеннаго Ритора столько еще сильными, чтобъ побѣдить протчія науки. Я не скажу вамъ того, чтобъ несходствовало съ истинною. Я представлю вамъ Краснорѣчіе во всей естественной его славѣ. Я говорить буду о такомъ искусствѣ, которое передъ всѣми другими величайшихъ людей представить можетъ; о такомъ искусствѣ, которому Римъ нашъ, славою и знатностію своею у чужестранныхъ народовъ, и чрезвычайною властію своею одолженъ; о такомъ искусствѣ, которое во всякое время было ужасомъ пороковъ, и подпорою добродѣтели. И чтобъ соединить все вообще; то буду говорить я о такомъ искусствѣ, которымъ дражайшій нашъ Цицеронъ полезнымъ гражданиномъ, покровителемъ утѣсненныхъ, страхомъ неприятелей, великимъ градоначальникомъ, защитникомъ вольности, и отцемъ отечества былъ. О такомъ искусствѣ говорить я буду, которое сего мужа, добродѣтельнымъ, великодушнымъ, справедливымъ, почтенія достойнымъ и великимъ здѣлало. Важность такой матеріи наградитъ недостатокъ моего предложенія. Я говорю предъ остроумными, предъ такими разумными Римлянами, кои болѣе на истинное

изящество моей науки, нежели на отмѣнныя искусства того, которой объ ней говоритъ, смотрѣть станутъ. И такъ я могу удостовѣриться о вниманіи, и о благоволеніи вашемъ, когда я вамъ доказывать буду:

Что Краснорѣчіе изъ всѣхъ свободныхъ художествъ и наукъ, государству полезнѣе и славнѣе.

Не представляйте себѣ, благородные Римляне, не воображайте себѣ, что я говорю здѣсь о такомъ Краснорѣчіи, какое имѣли тѣ Софисты, коихъ жизнь намъ Филостратъ и Евнапій описываетъ; о Краснорѣчіи, которое совокупляетъ только безчисленное множество прекрасныхъ и приятно звучащихъ словъ, которыми народъ время прекращаетъ; о такомъ Краснорѣчіи, которое употребляется въ защищеніе пороковъ и злодѣянія, котораго стараніи только стремятся къ тому, чтобъ ложнымъ видомъ истинны, бѣлое чернымъ, и злое добрымъ именовалось, и которое не знающій народъ опаснѣйшими сѣтями, ко избранію злаго, и къ небреженію добродѣтели увѣщаваетъ. Нѣтъ, почтенные судіи, сіе искусство съ величайшею несправедливостію вотще употреблялобъ благородное имя Краснорѣчія, сія ложная Риторика во всѣ времена

мена былабъ рушительницею всеобщаго покоя, прибѣжищемъ мерзскихъ безчиній, язвою вольности, заразою республики и неприятельницею правды. Она обиталабъ всегда только въ худыхъ людяхъ, въ подлѣйшихъ душахъ человѣческаго рода, и хотя она въ нихъ защиту себѣ и обрѣлабы, однако по смерти ихъ былибъ они презрены, и почитаемы опаснѣйшими, недостойными, и безбожными людьми.

Истинное Краснорѣчіе, о которомъ я говорю, есть такое искусство, которое послали безсмертные боги, яко отмѣнную благодать человѣческому роду. Оно наказатель зла, и защититель добродѣтели. Оно такое искусство, которымъ правду и добродѣтель любящій мужъ, со всѣмъ народомъ говоритъ, и къ полезному его увѣщавать и отъ бесчестныхъ дѣлъ удерживать можетъ. Оно вступается въ дѣла справедливыя, добродѣтельныя и сходныя съ подлинною честію, и предлагаетъ ихъ съ такими важными основаніями, съ такимъ премудрымъ разсмотрѣніемъ въ сердца своихъ слушателей, и съ такимъ яснымъ представленіемъ, что никто удержаться не можетъ, чтобъ не послѣдовать отъ него подтверждающему. Я не причисляю сюда не только тѣ

рѣчи, когда великій Демосѳенъ Аѳинянъ поощряетъ къ войнѣ противъ Филиппа, но и тѣ слова, которыми Цицеронъ Архія защищаетъ, или проситъ за Лигарія, и чрезъ сіе становится учителемъ государя, совѣтователемъ великаго Императора.

Изъясненіи, сообщенныя намъ Стихотворцемъ и Историкомъ о томъ, что государству полезно, хотя и хороши; однако не довольно ихъ, чтобъ ими только государство совершенно щастливымъ здѣлать. Не довольно того, чтобъ давались хорошіе законы, но должно ихъ такъ же и сохранять и защищать отъ преступниковъ. Не довольно, чтобъ государство было страшнымъ съ наружи, по чемубъ никто нападенія учинить на него не дерзалъ; но надлежитъ ему въ способное время начать и прибыточную войну, для распространенія предѣловъ своихъ, для утвержденія силы, и для прославленія храбрости своей. Не довольно, чтобъ государство въ ненарушимомъ мирѣ и тишинѣ находилось, но надлежитъ, чтобъ оно знало, какимъ образомъ въономъ себя содержать. Не довольно того, чтобъ народъ казался только добродѣтельнымъ, но должно, чтобъ онъ былъ справедливо добродѣтельнымъ;

должно

должно такъ же, чтобъ онъ познавалъ сущія изящества добродѣтели, которымъ бы вѣренъ былъ изъ признанія и разсужденія. Или думаете, что можетъ исполнить сїе разгорячившійся и бѣшеный стихотворецъ, котораго сказаннымъ правдамъ каждой не довѣряетъ, для того, что отъ него опричь невкусныхъ басенъ ничего инаго не услышишь? Или чаете вы, что Историкъ сїе учинитъ, которой хотя иногда похвальныя дѣла и повѣствуетъ, но не подаетъ притомъ средства, какимъ образомъ достичь можно стяжанія истинной добродѣтели и подлинной чести. Никакъ, благородные Римляне! Риторъ долженъ во всѣхъ сихъ случаяхъ быть лучшимъ учителемъ. Краснорѣчїе производитъ государству въ военныя и въ мирныя времена величайшую пользу, и для меня не трудно будетъ ясно сїе вамъ доказать.

О естьли бы только силы мои умножиться могли для важности матеріи мною предлагаемой! О когда бы имѣлъ я теперь весь жаръ, принадлежащій къ ясному изображенїю и къ связному доказательству! Тогда бы, благородные Римляне, тогда усмотрѣли бы вы безспорно красоту и важность свободнаго моего искусства; тогдабъ признались вы

единодушно, что витійство государству несказанно полезнѣе, нежели всѣ проччія науки. Я бы представилъ предъ очи ваши ясно Демосѳена; я бы показалъ вамъ его, какъ онъ Аѳинянъ своихъ къ войнѣ противъ Филиппа побуждаетъ; какъ онъ презрѣніемъ, похвалами, важными основаніями, представленіемъ ихъ пользы, чести и славы, ихъ усильно поощряетъ, не переставая до тѣхъ поръ, пока желаемаго не достигнетъ. Здѣсь уговариваетъ онъ нравы, колеблющіеся и объятые страхомъ, представленіемъ совершенныя побѣды; тамъ пробужаетъ онъ сномъ обремененныхъ живностію чрезвычайнаго своего предложенія. Здѣсь воспламеняетъ онъ еще сильнѣе храбрыхъ; тамъ посрамляетъ робкихъ жесточайшими упреканіями. Здѣсь показываетъ онъ имъ побѣжденное отечество, призывающее ихъ предприять оружїе; тамъ представляетъ имъ защиту боговъ, которые никогда справедливаго дѣла безъ покровительства оставить не могутъ. Здѣсь показываетъ имъ ужасное нещастїе, въ которое ввергнетъ ихъ собственная ихъ медленность; тамъ щитаетъ имъ славныя пользы, которыхъ они отъ военной брани ожидать могутъ. Словомъ сказать, онъ соединяетъ совокупно

все,

все, пользу, честь, всѣвозможные щастливые случаи, любовь къ вольности, къ отечеству, къ братїямъ ихъ, къ друзьямъ, къ дѣтямъ ихъ, и къ ихъ имѣнїямъ; все, все сїе должна рѣчь его учинить столь доказательнымъ и побуждающимъ, чтобъ наконецъ цѣлый народъ предприялъ исполнить по совѣту Демосѳенову, и начать войну столь похвальную и полезную.

Я бы представилъ вамъ далѣе Цицерона, Цицерона великаго, неповинность во градѣ семъ многажды защищающаго, добродѣтель подкрѣпляющаго, утѣсняющаго пороки, и обороняющаго вольность отечества своего. Здѣсь увидѣли бы, какъ защищаетъ онъ неповиннаго Росцїя, обьявляя съ основанїемъ его неповинность; какъ онъ судей къ справедливости, къ правосудїю и добродѣтели, столь важно, и столь внятно увѣщаваетъ, что подлинно справедливое дѣло выигрываетъ; и какъ Римляне великимъ Цицерономъ отъ порока утѣсненной неповинности воздерживаются. Припомните, благородные Римляне! Припомните рѣчь сего великаго мужа, въ которой былъ онъ подлинно учителемъ, или когда слово сїе дерзновенно, совѣтователемъ Цесаря, ту самую рѣчь, въ которой защищаетъ онъ

 не

неповинно осуждающагося Лигарія. Сколь благородны, сколь важны, великодушны, сколь бескорыстны, правосудны, сильны и словомъ сказать, сколь свойственны Римскому духу всѣ его выраженіи! Хотя кажется, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣчи сей, ласкаетъ онъ Цесарю; однако самыя сіи мѣста преисполнены ученія для Цесаря, и показываетъ ему, чтобъ онъ отъ добрыхъ качествъ, выхваляемыхъ въ немъ, не уклонялся, но паче стараніе свое прилагалъ бы еще о тѣхъ свойствахъ, о недостаткѣ которыхъ предлагаетъ ему совѣсть его; ибо великодушный мужъ, и противъ непривыкшихъ со всѣмъ слушать правды, всегда сыщетъ способъ защищать оную. Но Краснорѣчію сіе изъ всѣхъ протчихъ наукъ свойственнѣе. Оно ни какъ не можетъ пребывать въ раболѣпномъ правленіи; какъ скоро лишатъ его свободы, какъ скоро запретятъ ему говорить правду, какъ скоро лишатъ его пространства; то оно будетъ слабо, уменьшаться станетъ ежедневно, наконецъ изчезнетъ, и оставитъ мѣсто лицемѣрному Стихотворству, которое помогаетъ только себѣ неприятными ласкательствами. Вы сами воспомните то, великодушные Римляне, что Краснорѣчіе за всегда съ вольностію

обще

обще возрастало и упадало. Доколѣ Римъ еще пользовался свободою, дотолѣ имѣлъ онъ великихъ Риторовъ; но какъ скоро дражайшее отечество наше подъ игомъ тиранскаго порабощенія стенать долженствовало, то и Краснорѣчіе въ тоже время весьма много древней славы своей лишилось; и мы во все сіе время ни единаго не имѣли Ритора, которой бы дѣлалъ честь отечеству своему. Нынѣ же подъ преславнымъ владѣніемъ цѣломудреннаго нашего Антонина, паки оно возобновляться начало, подобно орлу сидящему въ печали на сучіяхъ густаго древа въ бурную непогоду, забывающему свое величество, и необычайное летаніе. Но какъ скоро буря сія миновалась, и просіявшія облака, громъ и молнію прогнали, тогда онъ оставя гнѣздо свое, и собравъ новыя силы, паки оставляетъ землю, и паритъ быстрымъ полѣтомъ своимъ къ солнцу.

Но кое смущеніе побуждаетъ меня говорить о паденіи Краснорѣчія, когда должность моя требуетъ, чтобъ повѣствовалъ я о славѣ ея! Мы оставили Цицерона разглаголствующаго съ самимъ Цесаремъ, и увѣщавающаго къ великодушію противъ Лигарія. При семъ случаѣ вспомните, благородные Римляне о красотѣ такого искусства, которое одно

одно между всѣми протчими имѣетъ право ополчаться противъ государей сея вселенныя, и предлагать предъ очи неправосудїе ихъ. Когда все объято страхомъ, когда все ужасается отъ угрожающаго ненастїя, объемлющаго онымъ тиранна; тогда выходитъ Риторъ, и представляетъ весь народъ, предложенїе его открываетъ правителю нужду государства, и неправосудїе, гражданамъ учиненное. Онъ показываетъ ему то самое, чего отъ него ожидаютъ, и что отъ него требуютъ. Но онъ идетъ еще далѣе: онъ показываетъ тогдажъ основанїи, кои его къ тому обязывать должны. Онъ показываетъ пользу, которую произведетъ по себѣ милость его, и злость его, нещастїе. Онъ проситъ, умоляетъ, доказываетъ, увѣщаваетъ, остерегаетъ и угрожаетъ до тѣхъ поръ, пока Краснорѣчїемъ своимъ достигнетъ того, о чемъ ни ктобъ другой безъ страха и трепета, только и помыслить не могъ.

Вотъ Римляне, сїя то есть польза Краснорѣчїя, которая безъ сомнѣнїя весьма важности достойна. Доколѣ вы еще Риторовъ, доколѣ вы еще вольной сенатъ имѣть будете; дотолѣ не можетъ со всѣмъ угнетать васъ тиранство; дотолѣ свободнымъ гражданамъ дозво-

дозволено будетъ судиться съ самими своими Императорами, представлять о своей нуждѣ, требовать правосудія, и предлагать ему ясно владычествующіе пороки. О преславная и несказанная польза!

Вы припомните, думаю, еще то печальное и ужасное время, когда Катилина, безбожный Катилина, злость свою самъ надъ Римомъ нашимъ изъявить, и нечестивый мечь свой изострить о собственное отечество свое желалъ. Казалось, какъ будто бы все защищаетъ безбожное его предпріятіе.

Время было уже назначено, которое долженствовало со всѣмъ окончить Римскую славу и вольность его. Ни кто не осмѣливался противиться въ проклятомъ намѣреніи сего страшилища рода человѣческаго. Войско его было внѣ града, и ожидало только единаго знака отъ безбожнаго своего предводителя. Чтожъ дѣлали тогда Философы? Что дѣлали Историки? Ахъ! Что долженъ я произнесть вамъ, благородные Римляне. Они ожидали со страхомъ и трепетомъ погибели отечества своего. Я скажу болѣе: можетъ быть имъ было бы то обидно; можетъ быть сожалѣли бы они о погибающей вольности: ибо мы не хотимъ лишить ихъ всего человѣчества,

и съ нимъ совокупленной добродѣтели. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ не довольно того, чтобъ быть только простымъ человѣкомъ, когда весь свѣтъ принужденъ будетъ стенать подъ игомъ единыя безбожныя руки: въ то время ни какое нѣжное сожалѣніе, ни какое тяжкое воздыханіе не поможетъ. Мужество, мужество единое сопротивляться должно всеобщей бурѣ, и предпринимать всѣ возможные способы, чтобъ отвратить нещастіе.

О Стихотворцахъ сего времени не могу я со всѣмъ и помыслить. Они сидѣли въ приятныхъ своихъ лѣсахъ и напѣвали пастушкамъ своимъ до тѣхъ поръ что нибудь о златомъ вѣкѣ, пока время извѣстило, которой тираннъ одержалъ побѣду, и какимъ родомъ подлѣйшаго ласкательства они всѣ его пороки добродѣтельными здѣлать, притесненіе отечества своего благороднымъ честолюбіемъ, убіеніе своихъ сограждань, справедливымъ наказаніемъ упрямства, лютость его геройствомъ назвать, или какимъ бы образомъ иногда при новомъ дворѣ ко столу царскому попасть могли. Они съ жадностію спрашивали уже у звѣздосмотрителей, не явилась ли какая новая и неизвѣстная планета, по которой бы могли они предзнаменованіе

ванїе учинить премѣнившагося правленїя. Они спорили между собою, что происхожденїе будущаго государя, взять ли лучше отъ Юпитера или отъ Марса, отъ Аполлона или отъ какого другаго божества.

Но почто останавливаюсь я при сихъ неприятныхъ повѣствованїяхъ! довольно что и тогда единое Краснорѣчїе вступившись за общую пользу, бесмертный Римъ отъ погибели спасло. Одинъ Цицеронъ имѣлъ столько мужества, чтобъ вооружиться противъ измѣнника отечества своего. Онъ представлялъ ему пороки его, онъ запретилъ ему вшествїе во градъ; онъ выгналъ его силою Краснорѣчїя своего изъ стѣнъ, которые онъ прежде истребить и опустошить мыслилъ; и словомъ сказать, все сїе нещастїе, сїе великое бѣдствїе, оружїемъ Краснорѣчїя осилено, побѣждено и со всѣмъ опровержено было.

О почто не имѣю я здѣсь той способности, чтобъ изобразить вамъ однимъ разомъ и во всей великости важныя преимущества, которыя имѣетъ государство отъ Краснорѣчїя! Здѣсь увидѣли бы вы полководца, увѣщавающаго воиновъ своихъ къ храбрости ясными рѣчами, и возбуждающаго въ нихъ необузданное желанїе ко брани, представленїями

вленіями ихъ чести и любви ихъ къ отечеству. Тамъ узрѣли бы вы Ритора укрощающаго и усмиряющаго возмущеніе бунтующаго народа; здѣсь увидѣли бы вы неповиннаго, спасающагося силою Краснорѣчія отъ несправедливаго наказанія. Тамъ увидѣли бы вы людей, благодарностію искусству моему обязанныхъ, которые паки изъ несноснаго заключенія возвращены. Однако я знаю, что все сіе вспомните вы сами. Доказательства его обитаютъ еще въ живой памяти вашей, и вы остроуміемъ и премудростію своею изобильно наградите то, чего я здѣсь по недостатку силъ моихъ во всей его естественной великости и славѣ представить не въ состояніи. Вы сами усмотрите, что Краснорѣчіе въ разсужденіи пользы, всѣ протчія науки гораздо болѣе превосходитъ. Такъ, здѣсь спросилъ бы иной; возможное ли то дѣло, чтобъ одна только наука могла произвесть толикое множество великихъ вещей? Всеконечно сіе кажется невѣроятнымъ, благородные Римляне! Однако сіе только кажется тѣмъ, которые не знаютъ, коль многаго знанія требуетъ Краснорѣчіе. Сія наука все то содержитъ въ себѣ одна, что протчіе науки порознь имѣютъ. Отъ Ритора не должно ничего

го быть сокровеннаго, онъ долженъ вѣдать все, во все вникать, все понимать и разумѣть. Ему должно знать Исторію, Философію, естественное право, Политику, военную науку, Богословію, гражданскіе правы, и законы разныхъ земель. Опричь сего, долженъ онъ знать сердце человѣческое и побужденіи, которыми желанія наши поощряются, и ими разумно пользоваться. Невозможное дѣло, Римляне! Невозможное дѣло, чтобъ невникнувъ во все оное, быть хорошимъ Риторомъ. Но подумайте, коликаго терпѣнія и трудовъ, разума и прилежанія, времени и искусства къ тому требуется, чтобъ знать божественную сію науку! помыслите, и заключите, что искусство требующее такихъ великихъ людей, должно и само быть весьма велико. Но ктожъ сомнѣвается о томъ! Пусть какъ бы кто ни былъ столько простъ, толико глупъ, непонятенъ и незнающъ, однако не отречется отъ того, чтобъ не почувствовалъ въ сердцѣ своемъ иногда красоты истиннаго Краснорѣчія. Не похвальное ли дѣло прилежать къ такой несравненной наукѣ, и искать совершеннаго? Или должно упражняться въ такомъ искусствѣ, которое менѣе способности требуетъ? Должно ли прилежать

лежать къ такой наукѣ, которая сердце не столько побуждать, которая отечеству не столько пользы приносить, и которой всегда выучиться можетъ? Нѣтъ! Нѣтъ! Ежели хочешь отечеству своему услуги оказать, ежели желаешь быть полезнымъ гражданиномъ, и подлиннымъ сыномъ отечества: то надобно прилежать къ Краснорѣчїю. Краснорѣчїе одно рождаетъ любителямъ его совершенную честь, а отечеству величайшую пользу.

Доказавъ вамъ пользу, приносящую Краснорѣчїемъ государству, думаю, что вы ни мало сомнѣваться уже не будете, что бы сїя наука весьма не похвальна была для отечества. Не славно ли для государства, когда оно всегда въ цвѣтущемъ состоянїи пребываетъ? Не славно ли для него, когда оно въ способное время войну начать, и притомъ побѣждать знаетъ? Не похвально ли для него, когда оно миръ съ сосѣдами своими содержать умѣетъ. Не похвально ли для него, когда правосудїе и законы исполняются, защищается добродѣтель, пороки угнѣтаются, неповинность никогда не стѣнаетъ, и злодѣянїе никогда не щадится? Такъ всеконечно, все сїе похвально, по крайней мѣрѣ ни одинъ честный Римлянинъ въ

семъ

семъ сомнѣваться не можетъ, которой все сїе похвалы достойное въ отечествѣ своемъ признаваетъ. Однако кому Римъ за сїю славу, и за сїю честь благодарить долженъ? Безъ сомнѣнїя благодадарить онъ долженъ Краснорѣчїю! или намѣрены опровергать то, что нашъ Катонъ, Гортенсїй, наши Сципїоны, Лелїй, Цицеронъ, Цесарь и Брутъ нашъ, великїе были Риторы? Или хотимъ опровергать то, что Краснорѣчїе ихъ отечеству нашему весьма много чести принесло? И что сїи мужи были чрезвычайнымъ украшенїемъ безсмертнаго Рима? О слабость!

Положимъ, что мы и нынѣ о славѣ Красноречїя сомнѣваемся, положимъ, что мы сами сему прекрасному искусству должной чести не воздаемъ; но древность со всѣмъ инако о семъ помышляла: почтенная древность во всѣхъ благородныхъ дѣйствїяхъ предковъ нашихъ бывшая. Кому неизвѣстно, сколь много почиталъ Филиппъ Демосѳена! Кто не припомнитъ, что онъ сего великаго Ритора щиталъ себѣ болѣе опаснѣйшимъ неприятелемъ, какъ нежели всѣхъ прочихъ Аѳинскихъ войскъ? Такой чести никакая другая наука себѣ не приобрѣла! Филиппъ не зналъ ничего о всѣхъ Философахъ бывшихъ во Аѳинѣ. И ежели онъ

что объ нихъ и слышалъ, то однакожъ не производили они въ немъ о себѣ ни какого вниманiя. Одинъ только Риторъ въ состоянiи городъ привесть въ чрезвычайную славу, и можетъ его у такихъ людей страшнымъ здѣлать, кои почитаютъ себя свободными отъ всякой опасности.

Не ожидайте отъ меня, благородные Римляне, чтобъ я сказалъ вамъ еще и то, сколь много у самихъ предковъ нашихъ почитаемо было Краснорѣчiе. Не ожидайте, чтобъ я представилъ вамъ весьма живо Цицерона въѣзжающаго въ Римъ на торжественной колѣсницѣ, и провождаемаго цѣлымъ народомъ съ радостными восклицанiями. Не ожидайте, чтобъ я изъявилъ вамъ, какъ онъ сiю честь, которая только возвращающимся со брани побѣдителямъ воздавалась, Катилинскою рѣчью себѣ прiобрѣлъ, и что сiю рѣчь его столь же полезною и славною для отечества почитали, какъ великiя побѣды Фабiя, или Помпейя. Извѣстно уже то, что Краснорѣчiе достоинство свое всегда имѣть будетъ, ежели бы и времена наши, или отъ невѣжества, или по несправедливости, оному всякую честь заслуживающую оказывать не хотѣли. Но захотимъ ли мы быть столь неблагодарными, захотимъ ли древности,

да

да и варварскимъ народамъ достойное сїе преимущество оставить? или не желаемъ Краснорѣчїю за оказанныя имъ услуги никакого воздаянїя оказывать? Развѣ желаемъ одни только мы не знать ничего о чести, государству нашему чрезъ него учиненной? Должно ли простить Римлянину то, чтобъ онъ о славѣ Римскаго Краснорѣчїя сомнѣвался? Никакъ, благородные Римляне, вы въ ономъ справедливѣе, нежели я объ васъ думаю! Вы имѣете великое почтенїе ко праху усопшихъ вашихъ Риторовъ. Но что я говорю! Вы усматриваете сами болѣе достоинство Краснорѣчїя, какъ нежели бы вы не похотѣли признаваться въ томъ, что оно для государства всего славнѣе.

Здѣсь не могу я никакъ умолчать о нашемъ Стихотворцѣ, обвиняющемъ въ жару ревности своей, Краснорѣчїе, что оно пользуется только нѣкоторыми неприятными хитростями. Что Краснорѣчїе упражняется въ самой истиннѣ, то сїе всѣмъ тѣмъ извѣстно, которые хотя малое въ немъ познанїе имѣютъ; но чтобъ оно упражнялось въ хитростяхъ, то сїе можно почесть новымъ оклевѣтанїемъ, ни кому еще и въ мысль не приходящимъ! Покажи мнѣ только Кассїй въ нашихъ вели-

жихъ Риторахъ, примѣры своего оклеветанія, я напротивъ того представлю тебѣ всѣ невкусныя басни твоихъ Стихотворцовъ, ежели же ты, сказалъ сіе не о знаменитыхъ Риторахъ, какъ чаятельно; то не говорилъ уже ты и о истинномъ Краснорѣчіи. Слѣдовательно обвиненіе твое ничего нестоитъ.

Чтожъ касается до нашего Историка, равномѣрно противъ Краснорѣчія ополчавшагося, присвоивая себѣ только одному честь и пользу государства. Подлинная правда, много помогаетъ Исторія къ наставленію, чтобъ читать дѣла великихъ мужей. Здѣсь не о томъ вопросъ. Но желаютъ вѣдать, какою наукою тѣ люди въ такое совершенство приходятъ, коихъ дѣла потомство научаютъ. Безъ сомнѣнія сія наука есть Краснорѣчіе? Скажи же мнѣ Ен: Метій, откуда берешь ты великихъ людей, которыхъ славы достойныя дѣянія и жизнь ты описываешь? Не должно ли они приуготовлены быть къ такой чести Краснорѣчіемъ, которое ихъ въ Исторіи твоей во вѣки сохранять должно? Такъ не иное всеконечно. Краснорѣчіе представляетъ тебѣ великихъ мужей тобою описываемыхъ, и ты заслуживаешь много благодарности, что

что только ихъ изяществы безпристрастно потомкамъ повѣствуешь ; но такимъ гордымъ быть тебѣ не должно, чтобъ ты часть ихъ совершенствъ одинъ присвоить себѣ хотѣлъ.

О удивленія достойное Краснорѣчіе ! Несравненное искусство до толикія чести людей возводящее ! Да познаютъ всѣ чрезвычайное твое достоинство ? Красота твоя да будетъ всему свѣту извѣстна. О почто лишенъ я такого знанія и искусства, благородные Римляне ! Чтобъ однимъ разомъ могъ я весьма ясно и живо представить предъ очами вашими силу Краснорѣчія. Нѣтъ такой препоны, которой бы оно не преодолело, нѣтъ никакой опасности, которой бы оно не опровергло, нѣтъ никакого труда, котораго бы оно устрашалось, никакого затрудненія, котораго бы оно себѣ не покорило, нѣтъ никакого дѣла, и никакой нужды столь великой, которые бы показались ему тягостными, или несносными. Когда гражданское не спокойствіе укрощается ; когда оканчивается война благополучно, народъ цѣлый увѣщавается къ полезному намѣренію ; когда законъ наблюдается, и спасается не винной, то все сіе дѣлаетъ только одинъ Риторъ. Я заблуждаюсь. Сіе про-

 изводитъ

изводитъ Краснорѣчїе, удивительною силою своею великїя дѣла исполнять могущее. Вы ложно обвиняющїеся, которымъ спѣшащее мщенїе прилагало уже острїе меча ко главамъ вашимъ, вы еще живете! Вы священные правы вольности, которые тиранство истребить угрожало, мы еще наслаждаемся вами. Вы вѣчныя стѣны, которые варварская ярость вскоре сокрушить думала, вы стоите еще поднесь къ защищенїю нашему, и вы должны были трепетать отъ такихъ неприятелей, кои хотя и имѣли ко услугѣ своей щитъ и копїе, однако велико могущихъ силъ Римскаго Краснорѣчїя не знали. О есть ли бы божественный жаръ Краснорѣчїя возмогъ мыслямъ моимъ въ сей часъ нѣкоторую подать помощь, какими знатными понятїями о искусствѣ моемъ преисполнилъ бы я души ваши; и сколь глубоко великолѣпный образъ истиннаго витїйства вкоренилъ бы я въ сердца ваши. Но вы сами кажетесь быть мнѣ благосклонными въ моемъ дѣлѣ. Вы сами видите уже всѣ преимущества моего искусства, которыхъ я вамъ довольно ясными представить не могу. Сїе Риторское мѣсто, на которомъ вамъ столь часто гремелъ великїй Риторъ: да будетъ свидѣтелемъ моимъ, что я вамъ правду глаголю

голю : и чтобъ я могъ еще говорить болѣе къ пользѣ моего искусства, ежели бы не былъ я объятъ страхомъ, предаться подозрѣнію ласкательства и самохвальства.

Но что вижу я? Мнѣ кажется, что великій Цицеронъ встаетъ самъ изъ гробницы своей, желая вѣдать, сколь глубоко обитаетъ Краснорѣчіе въ сердцахъ вашихъ, которое до васъ во всѣхъ Римлянахъ столь много вкоренено было. Онъ смотритъ на васъ судіи, и ожидаетъ изрѣченія вашего къ пользѣ такого искусства, которое самого его величайшимъ и славнѣйшимъ мужемъ сего безсмертнаго Рима здѣлало.

РѢЧЬ IV.

ВЪ ПОХВАЛУ ФИЛОСОФІИ

говоренная

ЮНІЕМЪ РУСТИКОМЪ.

Философія была во всѣ времена предмѣтомъ высокихъ душъ. Обученіе оной всегда было упражненіемъ благородныхъ сердецъ, знаніе производило удивленія достойныхъ мужей: процвѣтаніежъ ея цѣлыя государства знаменитыми, славными и щастливыми здѣлало. Премудрое провидѣніе безсмертныхъ боговъ не довольствовалось тѣмъ, чтобъ человѣка одарить единымъ только разумомъ, дабы онъ могъ различать что его вредитъ и пользуетъ; но оно всѣяло въ него еще и чрезвычайную охоту къ достиженію премудрости, которою разумъ его просвѣщается, наставляет-

ся

ся, удостовѣривается, и противъ сильнаго нападенія не обузданныхъ страстей довольными оружиями снабдѣвается. Могли ли боги дать намъ славнѣя сего дара, которой къ нашему блаженству ближайшій путь показываетъ; ибо мы не такимъ образомъ на свѣтѣ сѣмъ созданы, чтобъ жить въ немъ подобно, такому человѣку, которой посылается въ заключеніе; для сниканія собственнаго нашего щастія, пользоваться увеселеніемъ, и чтобъ наслаждаться непрестаннымъ благополучіемъ, произведены мы, и сей свѣтъ сотворенъ для насъ. Но дабы сіе тѣмъ лучше подтвердить, безсмертные боги вдохнули въ насъ не только желаніе, чтобъ искали мы всегда лучшаго, но дали намъ и Философію учительницею, и яко вѣрнѣйшею спутницею всегдашняго увеселенія. Кто ей справедливо послѣдуетъ, тотъ не попадетъ на тѣ распутія, куда ведутъ насъ страсти наши, и тѣхъ не удовольствій не ощутятъ, которые за ними по стезямъ слѣдуютъ. Городъ, которой показать намъ можетъ въ окружающихъ стѣнахъ своихъ многихъ премудрыхъ людей, государство, коего премудрыя законы разумными людьми наблюдаемы и подкрѣпляемы, будетъ всегда благополучно, всегда будетъ

детъ процвѣтать, пребывая въ непрестанной славѣ и чести. Художества будутъ возвышаться, мореплаванiе хорошей успѣхъ получитъ, въ войнѣ страшиться будутъ ихъ оружiя, которое они противъ неприятелей своихъ посправедливымъ причинамъ обращаютъ, въ мирное время почитать ихъ будутъ, и не станутъ завидовать столько благополучiю ихъ, какъ паче принимать будутъ источники его примѣромъ благополучiя. Итакъ все сiе произведетъ Философiя, все сiе учинитъ знанiе ея ученiй.

И сiя то наука, почтенные судiи, побуждаетъ меня вступить на сiе мѣсто. Должность моя требуетъ, чтобъ я показалъ и представилъ вамъ не опровергаемо преимущество Философiи предъ Стихотворствомъ, Исторiею и Краснорѣчiемъ, да еще и передъ другими науками. Я почитаю себя щастливымъ, что вы избрали меня ко исполненiю важнаго сего дѣла. Сей часъ, въ которой долженъ я въ присутствiи всѣхъ явно показать себя любителемъ и почитателемъ Философiи, непремину почитать за щастливѣйшiй часъ моея жизни, а сiе мѣсто, на которомъ приемлю дерзновенiе защищать Философiю, почту такимъ мѣстомъ, гдѣ мнѣ величайшая честь оказывается. Я не сомнѣваюсь,

чтобъ

чтобъ мнѣ божественная наука сама не пришла на помощь, и не подалабъ рѣчи моей того яснаго основанія, котораго матеріею она сама назваться может. Не мало дивлюсь я тому, что въ прежде говоренныхъ рѣчахъ три науки отважились спорить противъ Философіи. Когда они только такъ хороши и благородны, но что я говорю благородны? Такъ сносны, поелику они правила Философіи наблюдаютъ. Довольно для нихъ и той чести, ежели ихъ дщерями Философіи именуютъ, и о достоинствѣ по мѣрѣ ихъ разсуждаютъ, чемъ болѣ они сей божественной матери уподобляются. Чтобъ мнѣ не говорить излишняго, то вскорѣ узнаете вы сами, благородные Римляне, когда я вамъ неоспоримо предложу: Что Философія изъ всѣхъ наукъ и художествъ отечеству всего славнѣе и полезнѣе.

О вашемъ благосклонномъ вниманіи, почтенные судіи, тѣмъ менѣе сомнѣваюсь я, когда воображаю себѣ, что вы и прежнія рѣчи со всякимъ терпѣніемъ слушали, и что вы сами тому причиною, что я теперь сіе мѣсто заступаю. Но вы и по другой еще причинѣ къ сему обязаны, ибо самая Философія, васъ достойными судіями

ями дѣлаетъ. Вы бы не возложили на меня никогда толь важной должности, ежели бы не усмотрели сами достоинства Философіи, того ради тѣмъ внятнѣе будете слушать меня, когда я говорю о такой наукѣ, въ которой вы сами упражняетесь, и я безъ стыда выговорить сіе смѣю, что вы для одной только оной достойны и способны быть рѣшителями нашего спора. Но ежели рѣчи моей недоставать будетъ того жара, и той красоты, которую слушать привыкли вы отъ Римскихъ Риторовъ, то подумайте, благородные Римляне, что языкъ Философіи есть самая истинна, и что тщаніе онаго состоитъ только единственно въ томъ, чтобъ не ослѣплять или оглушать, но просвѣщать и доказывать основательно разсужденіе слушателей. На сіе то хочу я употребить всѣ мои силы, надѣясь симъ исполнить, какъ должность свою, такъ и ваше благоволеніе.

Изрядное имѣешь ты понятіе о Философіи Корн: Фронто, называя ея такою наукою, которая упражняется только въ некъчему годныхъ и смѣшныхъ хитрорѣчіяхъ. Въ какомъ училище научился ты сему прекрасному изъясненію, которое учителю твоему, и тебѣ

тебѣ столь мало чести приноситъ? Или непомыслилъ о томъ, что хитромудрствованїе отъ истинной Философїи весьма далеко отстоитъ? Или какъ ты потомъ признаешься, что Риторъ твой долженъ знать такъ же и Философїю, для чего неопасался ты, что въ Краснорѣчїи твоемъ обыкновенно хитромудрствованїе признаютъ? Или хочешь достовѣрныя заключенїи Философїи называть ничего не значущими расказами, ясныя ея изъясненїи пустыми словами, и премудрыя ея ученїи робяческими хитрорѣчїями? О слабость! Но чтобъ тебя однимъ разомъ безмолвнымъ здѣлать, то спроси своего Цицерона, которой за дарованїе свое гораздо болѣе Философїи, нежели Краснорѣчїю благодарить имѣетъ, и подлинно благодаритъ, какъ онъ о Философїи писалъ, и какою ея поставлялъ? Ты услышишь, что онъ ея почитаетъ правиломъ жизни, и истребительницею пороковъ. Философїя, пишетъ онъ: построила города, и дикихъ людей къ общественному житїю склонила. Онъ называетъ ея, изобрѣтательницею законовъ, правительницею нравовъ и воспитанїя. Къ ней прибѣгаемъ мы, отъ нея и спрашиваемъ помощи. Одинъ день,

которой проведемъ мы по предписанію Философіи, можно предпочесть всей порочной вѣчности. Ибо чьеми сокровищами можемъ мы лучше пользоваться? Философія производитъ намъ жизнь спокойную, и отвращаетъ отъ насъ болѣзнь смерти.

Такимъ изъясненіемъ даннымъ о Философіи отъ одного изъ величайшихъ мудрецовъ нашего Рима, будете вы, благородные Римляне, безспорно довольны, а притомъ увидите изъ того, о какой божественной наукѣ говорю я вамъ. Оно есть начало спокойствія, великодушія, честности и добродѣтели. О почтенія достойный источникъ сихъ прекрасныхъ свойствъ! О ужасное упрямство, которымъ приводятъ сомнѣваться о достоинствѣ, такой науки, которая подаетъ намъ средство уподобляться безсмертнымъ богамъ! Можетъ быть мнѣ въ ономъ уступятъ; можетъ быть не поспорятъ, что Философія есть изрядное дѣло: но въ томъ можетъ быть спорить будутъ, чтобъ она государству весьма была полезна? Не можноль видѣть того, чтобъ Философія къ приращенію государства много спомоществовала? Лучшія и знатнѣйшія города были ли въ состояніе приведены Стихотворствомъ, Краснорѣчіемъ

ей, или Исторїею? Пїитическїя фигуры могутъ ли быть наиспособнѣйшими, чтобъ давать премудрые законы? Громъ пылкаго Ритора могъ ли быть лучшимъ укрѣпленїемъ государства? Могутъ ли полдюжины древнихъ Историковъ процвѣтанїе наукъ и художествъ на хорошую степень поставить? По крайней мѣрѣ нынѣшнїе наши Риторы все сїе подтверждали, и я не могу прежде вывесть ихъ изъ такого заблужденїя, пока напередъ не разсмотрю ближе истинную пользу государства.

Польза государственная состоитъ въ томъ, когда оно добродѣтельными гражданами изобильно наполнено, и ежели они разумными мужами защищаемы и управляемы бываютъ. Изъ сего краткаго изъясненїя послѣдуетъ все то, что намъ прежде бывшїе Риторы наши многочисленными и пространными словами описывали, ибо для того, что они разумные правители, будутъ имѣть овсемъ томъ попеченїе, что къ славѣ республики, ко всегдашнему ея процвѣтанїю, то есть, къ истинной ея пользѣ спомоществовать можетъ. Какъ нераспространяться купечеству въ такой землѣ, коея граждане наблюдаютъ все то, что мореплаванїю, земледѣль-

ледѣльству, художествамъ и манифактурамъ къ пользѣ служитъ, и что право и честность между продавцами и покупающими утверждаетъ? Какъ не быть продолжительной тишинѣ въ такой области, коея граждане ненарушимую вѣрность къ союзникамъ своимъ а честность и справедливость къ сосѣдямъ своимъ оказываютъ? Какъ не быть щастливому и страшному оружїю такого народа, которой его не инако, какъ по справедливымъ причинамъ, и въ защищенїе сограждань своихъ употребляетъ, которой лучше десять разъ смерть претерпѣть, нежели справедливое правило своего благополучїя въ премудрыхъ узаконенїяхъ прародителей своихъ, хотя въ маломъ чемъ повредить похочетъ. И когда такїе граждане не только произведены, но и разумными людьми управляемы быть должны, то очевидно уже, что такая наука государству всѣхъ протчихъ полезнѣе, которая людей производитъ, отчасти добродѣтель чрезвычайно почитающихъ, а отчасти по оной и поступать въ состоянїи себя находящихъ.

Мнѣ весьма смѣшнымъ кажется то П. Кассїй, что ты приписываешъ Стихотворству своему начальное сооруженїе горо-

городовъ. Правда, приписываютъ Амфиону особливое чудо, о которомъ тѣмъ менѣя сомнѣваться должны мы, когда оное отъ его самихъ собратиевъ повѣствуемо было. Однако, что ты столь много на сїе полагаешься, что ты почитаешъ сїе великою честїю твоему искусству, то оное мнѣ еще смѣшнѣе показалось. Сїе столько же глупо и безразсудно, какъ бы отецъ чрезмѣрно хвастался тѣмъ, что онъ родилъ сына, а къ воспитанїю его никакого старанїя не прилагалъ, какъ будто бы онъ произведя его на свѣтъ должности своей здѣлалъ удовольствїе. Не осмѣхали ли бы его за сїе? Не упрекали ли бы его, что онъ отечеству не только сына, но разумно воспитаннаго сына произвесть долженъ? Подобное упреканїе заслуживаетъ равномѣрно и твой Стихотворецъ. Не великая и не отмѣнная то честь, чтобъ строитъ только города, но чтобъ снабдить ихъ разумными мужами, наполнить добродѣтельными гражданами, сїе то есть подлинная честь. Худая была бы слава и безсмертному Риму нашему, что онъ построенъ только изряднымъ созидателемъ: но премудрой его сенатъ и добродѣтельные граждане служатъ ему истинною и неувядаемою честїю!

И такъ добродѣтели гражданъ суть важнѣйшія вещи въ государствѣ, и существо подлинной его пользы. Кто способнѣе къ пользѣ онаго, тотъ и отечеству всѣхъ надобнѣе. Но такіе люди Философы, или тѣ, которые со всякимъ раченіемъ Философіи себя посвятили.

И какою наукою можно бы было изобрѣсти средства, какъ лучше всего управлять пороками, помогать добродѣтели, защищать неповинность, сосѣдей содержать друзьями своими, приводить въ страхъ злыхъ неприятелей, и словомъ сказать, дѣлать щасливымъ все государство, какъ такою, которая изображаетъ намъ и худое и доброе по внѣшнему ихъ свойству, научаетъ предусматривать слѣдствіи нашихъ дѣлъ разумнымъ понятіемъ, и подаетъ ближайшій путь къ достиженію истиннаго блаженства? Философія въ ученіяхъ своихъ не знаетъ никакихъ политическихъ правилъ, никакой хитрости, никакихъ тайныхъ намѣреній, вредомъ окончавающихся. Благополучіе наше есть единственная ея цѣль; производство добродѣтели есть основаніе, на которомъ предписаніи ея полагаются. И для того имѣютъ они еще въ себѣ и то преимущество, что повелѣніямъ ихъ

болѣе

болѣе, нежели другимъ вѣрятъ. Не должны ли мы почитать добродѣтельными правила, происходящія отъ такого источника, которой былъ всегда ядъ порокамъ? Не должны ли мы убѣгать зла, запрещаемаго намъ наукою, представляющею вредъ и омерзеніе его? И какъ не вѣрить намъ Философіи, которая человѣческому роду, бывающему похищеніемъ пороковъ, служила путеводительницею, наставницею и матерію? Такъ, благородные Римляне, ученія предписываемыя намъ Философіею суть наилучшія, вѣроятнѣйшія и полезнѣйшія, а премудрые мужи лучшіе правители, и необходимые люди для благоурожденной республики.

Кто объятъ пороками, тотъ не можетъ ни добродѣтельныхъ дѣлъ исполнять, ниже терпѣть ихъ въ другихъ людяхъ. Сіе предложеніе проистекаетъ изъ состоянія человѣка порочнаго. Злодѣяніе есть ядъ отравляющій не столько мысли и сердца наши, но и разумъ нашъ. Такіе люди будутъ часъ отъ часу такъ зломъ заражены, что имъ уже оно послужитъ привычкою: но сей будетъ помраченъ, и такимъ непонятнымъ здѣланъ, что онъ добраго болѣе уже и познавать не можетъ.

 Вообра-

Вообразите себѣ судїю, которой порокъ наказывать долженъ, и которому онъ самъ подвластенъ. Онъ будетъ опасаться, что въ другомъ ненавидятъ любящее имъ самимъ, и что въ посторонномъ человѣкѣ точно его особу обвиняютъ. Однако должность его требуетъ, чтобъ говорилъ онъ справедливо, и наказывалъ злодѣянїе. Какъ же сможетъ онъ дѣлать сїе не имѣя чистой совѣсти? Онъ долженъ проклинать себя прежде, нежели другаго осуждаетъ. Ему должно перемѣнить все свое сердце, прежде нежели усмотритъ, что обвиняющїйся наказанїя достоинъ. Скажутъ, передъ нимъ есть законы, показывающїе ему, что право, и что несправедливо, и потому не для чего употреблять ему собственнаго на сїе разсужденїя. Хорошо, я вѣрю тому; однако съ какою холодностїю таковый судїя обходиться будетъ съ сими священными предписанїями! Что ему въ томъ нужды, наблюдаются ли тѣ правы, которыя онъ самъ часто нарушаетъ? Имѣетъ ли онъ попеченїе о томъ, чтобъ знать, великое ли число добродѣтельныхъ людей между гражданами, когда онъ самъ не въ числѣ ихъ находится? Ему все равно, накажется ли порокъ жестоко, или не строго,

для

для того, что онъ злымъ оной не почитаетъ, и онъ лучше хочетъ, чтобъ оной терпѣли, дабы только самому чрезъ сїе отъ упреканїй быть безопасну. Но ежели будутъ говорить, что человѣкъ не всѣмъ порокамъ въ единый разъ подверженъ бываетъ, и что судїя всегда нѣкоторыя преступленїи накажетъ, хотя бы онъ самъ и не весьма чистъ былъ; то помыслите, дражайшїе Римляне, помыслите только предложенїе такого человѣка, которое совѣсть токмо его обвиняетъ! Онъ будетъ при каждомъ словѣ трепетать. Всякое угроженїе имъ сказываемое, возвратно приходить будетъ въ собственное сердце громомъ. Лишь только взглянетъ онъ на виннаго, то воспомнитъ, что онъ и самъ не лучше его, и каждая литера закона представится ему карателемъ, которой на судейскомъ его стулѣ мучить будетъ: ибо тотъ, которой по чину своему только не наказанъ бываетъ, не наслаждается тѣмъ покоемъ, которой неповинность съ собою производитъ, и упреканїя совѣсти гораздо еще ядовитѣе, когда они устремляются противъ багряницы.

Но положимъ, чего еще никогда не бывало, чтобъ онъ такими внутренними мученїями и нетерзался, положимъ,

чтобъ онъ имѣя предъ собою правосудїе никогда непомышлялъ о правахъ; то можете вы себѣ Римляне легко представить, какое увѣщанїи и угрозы его имѣть будутъ впечатленїе въ мысляхъ. Не примутъ ли священныя ученїя ложнаго вида, когда объ нихъ говорятъ уста того, коего дѣла тому, чему онъ наставляетъ, безпрестанно противорѣчатъ? Повѣрю ли я тому, чтобъ непокорство къ вышшимъ было въ такомъ случаѣ нѣчто худое, ежели я отцеубїйца увижу сидящаго на судейскомъ стулѣ? Будетъ ли не навистнымъ мнѣ похищенїе, когда мнѣ живущїй въ скотской роскошѣ положенное за то наказанїе самъ сказываетъ? Не помышлю ли я, что одинъ порокъ будучи столько же бесчестенъ какъ и другой, выдетъ наружу, а другой пощадится? Не почту ли я шутками бранныя его слова, и наказанїе его, и себя не буду ли называть неповиннымъ, а освященные законы отечества несправедливыми? И такъ видите вы довольно, благородные Римляне, что ученїя преподаваемыя Философїею, должны получаемы быть отъ Философовъ. Но можетъ сыщутся такїе люди, которымъ сомнительно, а можетъ быть еще и со всѣмъ не возможнымъ покажется, чтобъ ученїя Философїи

фїи сущую силу имѣли , исправлять сердце человѣческое. Мнѣ остается только привесть имъ примѣръ многихъ великихъ Философовъ , которые при добродѣтельныхъ ученїяхъ своихъ обще непорочное житїе вели , а особливо представить примѣръ великаго Сократа. Не безъизвѣстно то , что приведенный къ нему учениками гадатель , предсказывалъ по личнымъ его чертамъ о худыхъ слѣдствїяхъ душевныхъ его склонностей , которому Сократъ въ ономъ чистосердечно признался , обьявляя, что онъ подлинно бы тѣми пороками зараженъ былъ, ежелибъ неисправили сердца и желанїя его предписанїя Философїи , и когдабъ не здѣлала она его властителемъ страстей своихъ. Столь честно обходился Сократъ со свѣтомъ , что онъ отъ него ни порочныхъ склонностей , ниже славнаго средства , побѣдившаго оные , не утаилъ. Сей примѣръ былъ бы довольно сильнымъ , для пресѣченїя со всѣмъ учиненнаго опроверженїя , однако для большаго доказательства приведу вамъ еще одинъ случай , которой твердую силу Философїи во исправленїи сердца еще яснѣе докажетъ. Ликургъ , введенїемъ общественныхъ обѣдовъ въ Спартѣ, навлекъ на себя такую великую ненависть богатыхъ и изнѣженныхъ

людей, что они его гнали, и въ нѣкоторое время каменьями убить хотѣли. Желая спастись отъ такого нещастія, побѣжалъ онъ, и бывъ уже почти у храма, какъ догнавъ его одинъ молодой человѣкъ Александромъ называемый, билъ его такъ сильно по лицу жезломъ, что онъ отъ сего одного глаза лишился. Ликургъ пренебрегши сію болѣзнь, и непремѣнивъ разумнаго своего нрава, обратясь къ народу, показывалъ ему окровавленное лице свое, которой во стыдѣ и смущеніи, немедленно ему въ руки молодаго Александра съ тѣмъ отдалъ, чтобъ онъ его наказалъ столько, какъ ему угодно будетъ. Чтожъ вы думаете теперь, благородные Римляне? Представьте себѣ живо различные роды мщенія, которые бы нерассудный нравъ оказалъ надъ симъ глупымъ и дерзновеннымъ юношей. Но научайтесь изъ послѣдованія сего повѣствованія славнымъ дѣйствіямъ Философіи. Ликургъ взявъ сего молодаго человѣка домой, приказалъ ему остаться у себя, и исправлялъ его такъ обхожденіемъ и наставленіемъ своимъ, что онъ потомъ отпустилъ его отъ себя, какъ разумнаго, знающаго и добродѣтельнаго человѣка. О премудрое мщеніе! о славное доказательство того, что божественныя ученія Философіи могутъ обуз-

обуздывать самые дичайшїе нравы, и въ порокахъ погруженныя сердца добродѣтельными дѣлать!

Обратимся къ прошедшимъ временамъ, разсмотримъ Миноса, Дракона, Солона, Ликурга и Нуму Помпилїя, котораго ты самъ Катилїй Северъ отцемъ поколенїя своего почесть можешь. Сердечное благоговенїе тронетъ насъ и одними только именами сихъ великихъ мужей. Они всѣ законодатели были, и всѣ предписывали премудрые законы, и предписанїи ихъ производили по себѣ всегда щастїе тѣмъ, кои имъ послѣдовали. Благополучїе, учрежденїями ихъ въ цвѣтущее состоянїе приведенныхъ земель, еще по сїю пору въ живой памяти у насъ начертано, и послужитъ удивленїемъ поздѣйшимъ потомкамъ. Аѳины, Спарта и Римъ, не были бы никогда столько сильны и славны, ежели бы Философїя не повелѣла открыть имъ источниковъ благополучїя ихъ, и утвердить добродѣтельными законами царства чрезъ сихъ великихъ мужей. Ибо кому неизвѣстно то, что они на свѣтѣ были? Они одни въ состоянїи были приводить въ славу новоучрежденные и въ упадокъ пришедшїе народы, и данными законами распространять пользу отечества; законы ими сообщаемые

емые были не только по внутреннимъ изяществамъ ихъ полезны, но польза оныхъ возрастала болѣе потому, что законодатели ихъ исполняли то сами, что они приказывали.

Философъ всегда первый исполнитель правилъ своего ученія. Онъ нестрашится быть предшественникомъ на пути добродѣтели, и доказывать собственнымъ примѣромъ своимъ пользу своихъ преданій.

Не думайте, благородные Римляне, чтобъ я подъ именемъ Философа разумѣлъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ лицемѣріе и легкомысліе сіе именованіе часто безъ основанія приписываетъ. Не думайте, чтобъ можно было познавать Философа по одной только долгой его бородѣ, или по отмѣнной его одеждѣ. Сіе есть видъ только наружный, которой гордость и суета ко вреду добродѣтели выдумали. Истинной Философъ есть тотъ, которой во всѣхъ дѣлахъ своихъ имѣетъ цѣлію справедливость и добродѣтель, которой такого добра не приказываетъ, коего бы онъ самъ не исполнялъ, и никакого инаго худаго не запрещаетъ, котораго бъ онъ самъ не презиралъ. Успѣхъ добродѣтели единственное намѣреніе въ дѣлахъ его; чемъ чаще и основательнѣе получить его можетъ,

тѣмъ

тѣмъ лучше думаетъ онъ препроводить жизнь свою.

Пусть даетъ онъ хорошіе законы; или ими управлять помогаетъ; пускай увѣщаваетъ онъ многихъ отъ худаго, или передъ ними въ добромъ преимуществуетъ. Ктожъ сомнѣвается, чтобъ повелѣніи такихъ мужей не имѣли бы гораздо сильнѣйшаго впечатлѣнія, когда подлинная правда то, что они о истиннѣ того, чему учатъ, удостовѣрены, и собственною своею особою щастливыя слѣдствіи добродѣтели показать могутъ?

Вышеупоминаемые мною мужи были такого свойства. Мы еще почитаемъ прахъ ихъ воспоминовенія, ихъ правосудіе и добродѣтель; и приемлемъ ихъ образомъ совершеннаго и желаемаго правителя. Итакъ не для чего удивляться тому, что законы ихъ были государствамъ ихъ полезными. Какое диво то, что боги за нарушенія оныхъ, наказывали погибелію земель ихъ? И какъ бы мы безразсудно поступили, естьли бы похотѣли сомнѣваться, что они и ихъ законы республикамъ ихъ не чрезвычайно полезны были?

Ахъ, естьли бы могъ я только теперь имѣть ту способность, чтобъ представить вамъ, благородные Римляне,

не, такое государство, въ которомъ бы Философія обще во всѣхъ вещахъ преимущество и силу свою получила; въ которомъ бы большая часть гражданъ, или въ которомъ бы всѣ почти жители правила Философіи предъ глазами своими имѣли; тогда увидѣли бы вы совершенное благополучїе; тогда узрѣли бы вы въ самомъ дѣлѣ великую пользу, которую Философія государству производитъ. Неповинность, прилѣжанїе, согласїе, тишина, купечество, художествы, все сїе обрѣли бы вы на высочайшей ихъ степени. Тогда непримѣтили бы вы никакой распри, никакого междоусобнаго беспокойствїя; но увидѣли бы благородную ревность, которою бы одинъ другаго въ добродѣтели превзойти старался. Тогда ни какое бы судейское ухо несправедливыми дѣлами, ниже дерзновенно учиненными злодѣянїями отягощаемо не было. Тогда одинъ другаго не обманывалъ бы, и другъ друга никогдабъ не низвергали.

Земледѣлецъ въ покоѣ пахалъ бы нивы свои, и старался бы заслуживать благословенїе труда своего отъ боговъ, болѣе добродѣтелїю своею, нежели пустыми словами. Художникъ употребъ. лялъ бы искусство свое ко услугамъ и къ чести своего отечества, и наслаж-

далсяя

дался бы своимъ прибыткомъ, неповиннымъ и добродѣтельнымъ образомъ. Купецъ почиталъ бы истинну правиломъ своего промысла. Воинъ служилъ бы отечеству своему вѣрно, и храбрость его умножалась бы въ немъ болѣе изъ любви къ оному, нежели изъ неразсуднаго бѣшенства, а первоначальство собственнымъ примѣромъ своимъ, превосходило бы всѣхъ въ добродѣтели; всякой изъ нихъ въ соблюденіи законовъ, былъ бы строжайшимъ и первымъ защитникомъ. Видите ли, дражайшіе Римляне! въ какомъ бы прекрасномъ состояніи было государство, ежели бы въ немъ Философы обладали сердцами гражданскими! Такую великую пользу, толико несказанную пользу чувствуетъ такое государство, коего премудрые законы защищаются Философами!

Ежели бы я сомнѣвался о томъ, что вы еще сему предложенію не вѣрите, то представилъ бы я вамъ Спартанскую республику, и припомнилъ бы вамъ ясно изящство ея. Здѣсь то Философъ, здѣсь то Ликургъ правила Философіи, законами республики здѣлалъ, коихъ воспоминовеніе еще и нынѣ въ состояніи произвесть въ насъ понятіе о томъ блаженствѣ, которое изъ совершенно добродѣтельной жизни рождается. Мы

вѣдаемъ

вѣдаемъ, что она дотолѣ щастїемъ своимъ наслаждалась, до колѣ нравы ихъ симъ божественнымъ узаконенїемъ вѣрными пребывали, и что небреженїи оныхъ было начало ихъ паденїя и подлинной погибели.

О какъ могла долговременность уничтожить столь многїя и преславныя учрежденїя! О какъ могло злодѣянїе, нравы человѣческїя, вреднымъ усыпенїемъ отъ прекраснаго пути добродѣтели отвлекши, привесть къ безчестнымъ порокамъ. Почто премудрый сей Ликургъ не жилъ на свѣтѣ вѣчно, для удержанїя Спартанъ въ ненарушимомъ благополучїи?

Между прочимъ могу я вамъ, благородные Римляне, къ гораздо большему подтвержденїю мною сказываемаго, представить на разсужденїе примѣръ собственной нашей республики. Мы знаемъ наши законы, которые ни въ чемъ никакого недостатка не имѣютъ. Мы вѣдаемъ, что все то, чего справедливость, честолюбїе, вѣрность къ отечеству, великодушїе, и словомъ сказать, добродѣтель требовать можетъ, въ нихъ содержится. Комужъ иному благодарность нашу свидѣтельствовать должны мы за процвѣтанїе наше, и за великую славу Римскїя республики, какъ не симъ освященнымъ законамъ? Когда безсмертный Римъ нашъ,

изъ

изъ пустаго и необитаемаго мѣста, великимъ, богатымъ, прекраснымъ, населеннымъ, разумнымъ, благонравнымъ, сильнымъ и страшнымъ городомъ, защитникомъ цѣлыхъ государствъ, воспитателемъ героевъ, отцемъ наукъ и художествъ, и обладателемъ всего почти свѣта здѣлался: то начала сего благополучія не въ какомъ иномъ мѣстѣ искать должны мы, какъ въ законахъ нашихъ. Я ошибаюсь, мы должны искать онаго въ Философіи, которая чрезъ одного вѣрнѣйшаго своего ученика, божественнаго Нуму, правила сіи намъ предписала.

Такъ подлинно, дражайшій мужъ! Мы почитаемъ еще поднесь прахъ твой. Мы носимъ память твою въ благородныхъ сердцахъ нашихъ. Всѣ наши побѣды, всѣ наши учрежденіи, всѣ наши завоеванныя земли, суть столь многіе свидѣтели твоея премудрости, толикіе опыты полезныхъ твоихъ законовъ. Благовоспитанные дѣти наши, храбрые наши войска, честные и вѣрные наши граждане, купечество и торги наши, премудрый нашъ сенатъ, сіи великолѣпныя зданія, сіи драгоцѣнные сады, сей храмъ Аполлоновъ, въ которомъ я стою, сіи еще неповрежденные стѣны, словомъ сказать, все что ве-

ликїй Римъ нашъ почтеннымъ, славнымъ и могущимъ дѣлаетъ, все то говорю я, изъявляетъ полезность твоихъ законовъ, и доказываетъ, что Философїя государству всего полезнѣе.

Вы уже слышали, благородные Римляне, что польза государства состоитъ въ томъ, ежели оно наполнено добродѣтельными гражданами, и когда они управляемы премудрыми людьми.

Все изъ того происходящее, государству будетъ наиполезнѣйшимъ. Мы ничто иное подъ именемъ славы разумѣемъ, какъ ежели другїе люди дѣлами нашими довольны. Сїя слава можетъ быть намъ полезна или нѣтъ, смотря по тѣмъ особамъ, которыя намъ оную приписываютъ. Ежели насъ хвалятъ не разумные и порочные люди, то слава такая служитъ намъ не къ чести, для того, что они не истинное достоинство нашихъ дѣлъ, но собственныя намѣренїи цѣлїю своей похвалы имѣютъ. Слѣдовательно мало нужды намъ въ ихъ похвалѣ, но должно приобрѣтать хвалу разумныхъ и добродѣтельныхъ мужей, которая о истинномъ добрѣ въ насъ, или въ нашихъ дѣлахъ показываетъ: и сего инако мы достичь не можемъ, какъ только единою добродѣтелїю. Ктожъ бы не пожелалъ быть добродѣ-

тельнымъ ради внутренняго изящества оной? И ктобъ не прилагалъ старанія о добромъ съ большею ревностію, ежели бы чрезъ сіе хвалу разумныхъ людей получить могли?

А что нашимъ Римлянамъ, и нашему отечеству въ разсужденіи добродѣтелей, проистекающихъ отъ законовъ его, никогда въ славѣ недостатка не было, то сіе извѣстно. Не почитается ли имя республики нашей, и каждой Римлянинъ во всемъ свѣтѣ? Не имѣютъ ли почтенія ко всѣмъ тѣмъ, кои Римлянами называются? И отъ чегожъ происходитъ сіе, какъ не отъ извѣстныя Римскія добродѣтели. Вѣрность, которою мы союзы наши содержимъ, благоговеніе, оказываемое нами богамъ, храбрость нашихъ воиновъ, странноприимство наше, правосудіе и великодушіе наше противъ неприятелей, сіе, сіе то притчиною истинной нашей славы. Не думайте, чтобъ добродѣтели не доставало когда похвалы. Подлинная честь всегдашняя ея спутница, и благородная душа всегда прославляема была. Философія дѣйствіями своими приобрѣтала себѣ всегда похвалу, несмотря на то, что она сіе почитала не намѣреніемъ, но слѣдствіемъ своихъ дѣлъ. Любовь и почтеніе слѣдуютъ за

нею, и достоинство изящества ея получаетъ всегда преимущество.

Не имѣли ли Аѳиняне великой славы отъ того, что сами Римляне долженствовали отправить къ нимъ пословъ для испрошенія у нихъ себѣ законовъ? Не служило ли сіе Спартѣ къ большей чести, что она премудростію своею учинилась обладательницею всея Греціи? И не чрезвычайная ли то честь нашему Риму, что онъ премудростію своею до сего времени въ безпрестанномъ благополучіи и великости своей пребываетъ? Кто бы былъ такимъ своемысленнымъ, и сталъ бы опровергать оное? И ктожъ бы Философіи не оказывалъ той чести, что она государству всего славнѣе и полезнѣе?

Какъ же можемъ сомнѣваться о томъ, что сіе подлинная правда, видя довольно, коликую славу оставляетъ по себѣ Философія и въ однихъ только людяхъ. Величайшіе мужи, которыхъ только Римъ нашъ представить можетъ, были всѣ Философы: сіе значитъ, что они учрежденіямъ Философіи послѣдовали, и добродѣтель здѣлали правиломъ ея дѣйствія. Наши Фабіи, наши Катоны, наши Сципионы, наши Деціи, наши Бруты и самъ Цицеронъ, всѣ были такіе великіе души. Филосо-

фія

фїя побуждала ихъ, что они изъ любви къ отечеству своему, либо великодушно умирали, или были покровителями истинныхъ законовъ государства; что они либо право щитомъ, или мечемъ защищали, или на мѣстѣ за утесненную неповинность вступались. Найдется ли хотя одинъ такой человѣкъ въ Римѣ, которой бы опровергалъ достойную честь нашего отечества? Я тому не вѣрю. Положимъ, чтобъ злость или ненависть такъ далеко простираться и могла: то сосѣди наши противъ насъ востанутъ. Чужїе народы будутъ насъ за ложь наказывать, и поздымъ потомкамъ при сообщенїи дѣлъ сихъ великихъ людей, вручатъ обще и память неблагодарности нашей.

Добродѣтель не теряетъ ничего отъ достоинства своего, для того, что ее не всегда познаваютъ, и кто Философїю не почитаетъ, тотъ не только ее, но и самаго себя тѣмъ безчеститъ.

Воспомните Аристида, котораго Философїя, удивленїя достойнымъ примѣромъ правосудїя и добродѣтели здѣлала. Не великъ ли былъ сей мужъ какъ на судейскомъ мѣстѣ, такъ и между гражданами? Какъ не хорошъ былъ отвѣтъ данной просителю, которой виннаго еще и тѣмъ обвинялъ, что будто

то бы онъ нѣчто худое говорилъ о судьѣ Аристидѣ: скажи только мнѣ, что онъ тебѣ здѣлалъ, говорилъ онъ: ибо я здѣсь не для того нахожусь, чтобъ рѣшить собственныя свои дѣла, но твои разыскивать долженъ. Какимъ же добродѣтельнымъ человѣкомъ показалъ онъ себя тогда, какъ избрали его всенароднымъ казначеемъ! Онъ безъ всякаго страха показывалъ, какъ худо поступлено было до сего времени съ государственными деньгами. И когда его за такую честность наказать хотѣли, а потомъ опять сей же чинъ на годъ принять ему предлагали, то дѣлалъ какъ будто бы онъ со всѣмъ перемѣнился: и когда онъ уже не противился никакой невѣрности гражданъ своихъ, то были они къ нему такъ ласковы, что уговорили народъ, дабы ему быть еще въ семъ чинѣ и на третїй годъ. Но Аристидъ ругая Аѳинянъ жестоко, говорилъ: Когда я деньги ваши честно и вѣрно наблюдалъ, тогда за сїе долженствовалъ сносить неблагодарность и наказанїе, и какъ нынѣ всѣхъ сихъ явныхъ похитителей допустилъ дѣлать по ихъ волѣ, то и называютъ уже меня добрымъ и честнымъ человѣкомъ. Поистиннѣ, я стыжусь болѣе той чести, которую вы мнѣ нынѣ оказываете, нежели

жели того безчестія, которое я прошедшаго года отъ васъ сносить принужденъ былъ.

Я привожу одинъ только сей примѣръ, чтобъ неотяготить васъ, благородные Римляне, пространствомъ моея рѣчи. Вы довольно изъ сей, и изъ протчаго сами вспомните, и узнаете, что премудрость всегда по себѣ славу оставляетъ. Но для чего бы добродѣтели цѣлаго государства не имѣть такого же дѣйствія, какое имѣетъ она въ одномъ человѣкѣ? Никакъ, благородные Римляне! Никакъ! будьте только всѣ благородны, подражайте всѣ истинной премудрости; вы узнаете, что ни вамъ, ниже вашему отечеству недостатка въ чести не будетъ; вы признаетесь совершенно, что Философія государству всего похвальнѣе и полезнѣе.

Теперь обращаюсь я къ вамъ, къ вамъ, которые прежде намъ столь много прекраснаго о своихъ наукахъ сказывали. Я особливо долженъ признаться тебѣ о Корн: Фронто! Ты совокупилъ вмѣстѣ все пылкое и ослѣпляющее, что только въ Риторикѣ сыскать было можно, чтобъ говорить рѣчь о искусствѣ своемъ. Но не думай же того, чтобъ ты и одержалъ побѣду. Двухъ вопросовъ довольно будетъ, привесть тебя

въ безмолвіе. Скажижъ мнѣ, не были ли всѣ твои великіе Риторы, Философы? Или по крайнѣй мѣрѣ не знали ли они Философію въ такой же высокой степени, какъ и Краснорѣчіе? Трудно тебѣ въ ономъ упорствовать. Ты никогда не можешь опровергать, чтобъ Демосѳенъ не былъ великой Философъ, и чтобъ Гортенсій нашъ не заслужилъ равномѣрно сего же имени. Читай рѣчи ихъ! примѣчай великое знаніе человѣческихъ нравовъ, которое во всѣхъ рѣчахъ Демосѳеновыхъ сіяетъ! Какъ могъ онъ достичь такого искусства, чтобъ предложеніемъ своимъ побѣждать всѣ сердца, ежели бы къ сему непоказывала средства Философія, и не вручила бы ему обще ключи къ душамъ человѣческимъ? Посмотри далѣе содержаніе рѣчей его. Защищать неповинность, поощрять отечество къ справедливой военной брани, суть дѣла, обитающія только въ добродѣтельномъ сердцѣ; они такія чувствія, которыя только могутъ рождаться въ душѣ Философской. И какъ смѣешь ты принимать такое дерзновеніе, чтобъ лишать великаго нашего Цицерона знанія Философіи, и исполненія правилъ ея. Страшись, чтобъ не предсталъ предъ тебя прахъ его, дабы освященная тѣнь его не повторила еще паки тебѣ угрожающимъ

щимъ перстомъ того, что онъ часто въ похвалу Философіи говаривалъ.

Одинъ только вопросъ остается еще для меня Что такое есть твое Красноречіе? Ты скажешь, что оно такое искусство, которымъ слушателей въ какомъ нибудь дѣлѣ лучше удостовѣрить можно, и кто въономъ больше способности имѣетъ, такъ тотъ и лучшей Риторъ. Я принимаю сіе изъясненіе; однако знаешь ли ты, каковъ мнѣ теперь Риторъ твой кажется? Онъ искусной рѣзчикъ, снабденной множествомъ хорошихъ инструментовъ, чтобъ дѣлать прекрасной истуканъ, на которой недостаетъ только ему ни камня ни дерева. Риторъ твой имѣетъ способность наукою своею представлять истинну хорошею, и ясною, однако откуда возметъ онъ ее? Получаетъ ли онъ ее Красноречіемъ? Нимало! Философія, Философія одна должна его всѣмъ тѣмъ снабдевать, о чемъ онъ говорить долженъ. Лучшей Риторъ тотъ, кто болѣе всего Философію разумѣетъ; и слѣдовательно ни твое искусство, ни любители онаго не могутъ быть государству полезными и славными, ежели не будутъ брать въ помощь себѣ Философіи.

Тебя, мой Еній, не могу я лишать сей справедливости. Правда, наука

твоя дѣлаетъ наставленіе свѣту; однако такъ гордымъ ею быть не долженъ, чтобъ ты одной ей пользу и славу приписать могъ. Философія должна вопервыхъ произвесть тебѣ великихъ мужей, коихъ ты для подражанія другимъ въ примѣръ представить намѣренъ. Твои Деціи, Помпеи, Катоны, Бруты, Сципионы, и словомъ сказать, всѣ великіе герои прославляются Философіею, и ей ты за сихъ совершенныхъ мужей благодарить долженъ. Правда, что нѣкоторые изъ твоихъ товарищей сами такъ же Философы были, и потому та хорошими Историками здѣлались. Кто самъ не добродѣтеленъ, тотъ и достоинства добродѣтели познавать не можетъ. Чемъ болѣе сею премудростію Историкъ обладаетъ, тѣмъ лучше различать будетъ доброе, и погрѣшности героевъ своихъ, Философическимъ безпристрастіемъ гораздо лучшей примѣръ добродѣтели оставитъ онъ потомству, и чрезъ то возвыситъ достоинство божественной Философіи.

Теперь осталось говорить мнѣ еще съ тобою, П. Кассій. Я не хочу правда осмѣивать тебя, что ты столь много полагаешься на своего Еврипида, Орфея, Омира и Виргилія. Но удивляюсь тому, для чего не вздумалъ ты того, сколь

много всѣ сіи мужи Философію почитали? Или ты со всѣмъ не знаешь того, или позабылъ, что Орфей самъ многія ученіи въ Философіи предписалъ? Или не знаешь и того, что послѣ возвращенія его изъ Египта воспослѣдовало, гдѣ онъ всей Философіи отъ Египетскихъ жрецовъ научился? Отъ того происходитъ ученіе о безсмертіи душъ. О чемъ ты столь много хвастуешь, и очемъ бы мы по сію пору еще ничего невѣдали, ежели бы намъ божественная Философія не подала на семъ темномъ пути десницы своея.

Что Еврипидъ твой съ такими великими обстоятельствами въ Македонію призыванъ былъ, то отъ того можетъ быть ты по искусству своему такую же пользу имѣть будешь. Скажи мнѣ, было ли еще болѣе въ Греціи Стихотворцевъ? Почто не позвали ихъ всѣхъ? Для чего Архелай хотѣлъ имѣть у себя одного только Еврипида? Я тебѣ скажу вторично сему причину: онъ былъ Философъ! онъ разумѣлъ такъ же правила Философіи, и употреблялъ искусство свое для того только, чтобъ представлять ее тѣмъ приятнѣе! за то его любили, для того и хотѣли его имѣть у себя лучше другихъ. Такого же свойства и Омиръ твой. Какое же безуміе здѣлалъ ты, предпочитая науку

уку свою лучше той, безъ помощи которой ты ни единаго мнѣ великаго Стихотворца показать не можешь? Не былъ ли и Неронъ такъ же Стихотворецъ? Но вспомни только то, что Ювеналъ изъ лучшихъ Стихотворцевъ твоихъ говоритъ: не лучше ли бы вольный Римъ избралъ себѣ Цесаремъ Сенеку, нежели Нерона?

И словомъ сказать, не чрезвычайное ли есть сїе несовершенство вашего Стихотворства, вашего Краснорѣчїя и вашей Исторїи, что всѣ сїи три науки сердецъ человѣческихъ не исправляютъ? Не можно ли быть при всѣхъ ораторическихъ вымыслахъ безбожнымъ человѣкомъ, какъ Антонїй и Катилина? Не можно ли быть при всѣхъ Стихотворческихъ хитростяхъ, нечестивымъ Нерономъ, и сластолюбивымъ Овидїемъ? И когда Исторїя исправляла сердце человѣческое? Но Философїя одна исправляетъ сердце, и всего человѣка въ другое состоянїе приводитъ. Она не кормитъ никого пустыми баснями, какъ Стихотворство. Она не помрачаетъ мысли высокопарными словами, и восхищающими изображенїями, какъ Краснорѣчїе. Нѣтъ, она не принуждаетъ никого быть добродѣтельнымъ, но представляетъ ему столь живо всѣ успѣхи добро-

добродѣтели, и нещастныя слѣдствїи пороковъ; она человѣка столь ясно удостовѣряетъ, она способствуетъ ему столь много къ благополучїю его, она доказываетъ такъ основательно, что ей никакъ противиться не можно. Ещежъ невозможнѣе то, чтобъ премудрый человѣкъ, которой по спознанїю, а не единственно по присовѣтыванїю добродѣтельную жизнь ведетъ, когда либо порокамъ подверженъ быть могъ.

Теперь обращаюсь къ вамъ, почтенные судїи! Не приписывайте того Философїи, или несовершенству ея, ежели предложенїе мое показалось вамъ не довольно яснымъ и доказательнымъ. Не думайте со всѣмъ, чтобъ польза ея была мала, для того, что я оную можетъ быть не такъ совершенною представилъ. Боги засвидѣтельствуютъ, что я говорилъ о такой наукѣ, которыя великость силы человѣческихъ изъясненїй превосходитъ. Но для чего опасаюсь я, что Философїя не одержитъ побѣды? Или добродѣтель потому будетъ недостаточною, что въ слабомъ Риторѣ нѣтъ такой способности, дабы изобразить оную въ своей силѣ? Не говорю ли я предъ Римскими, не говорюль я предъ разумными судїями? Не самая ли премудрость сѣдитъ на Римскомъ престолѣ

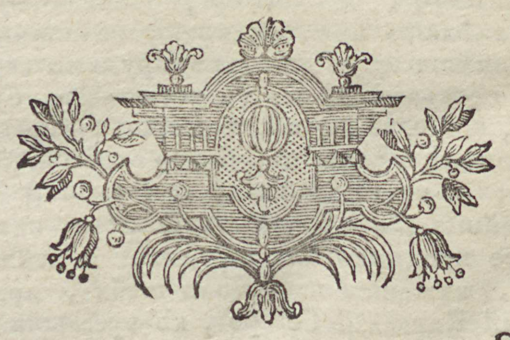
во образѣ дражайшаго нашаго Императора, премудраго Антонина кроткаго? Невидимъ ли мы преславныя дѣйствія Философіи въ премудромъ Его владычествѣ.

А ты, Катилій Северъ! дражайшій юноша, для котораго нынѣшнее словопрѣніе наше узаконено, воспомни днѣсь, что ты жизнь свою приялъ отъ такого поколѣнія, которое болѣе Философіею нежели иною добродѣтелію на свѣтѣ семъ славно; вспомни роднаго своего предка, божественнаго Нуму Помпилія, и скажи, не желаешь ли удалиться ты отъ того прекраснаго пути, которой его безсмертнымъ, и прахъ его священнымъ здѣлалъ? Воспомни премудраго родителя своего Аннія Вера, оставившаго тебя въ нѣжной юности, и вперившаго въ тебя понятіе, чтобъ быть добродѣтельнымъ и совершеннымъ Философомъ. Ты всѣхъ насъ уже слышалъ. Каждой изъ насъ прилагалъ стараніе свое изобразить тебѣ науку свою прекраснѣйшею, и представить во всемъ ея сіяніи. И такъ помысли теперь, лучше ли ты такой наукѣ преимущество дать желаешь, коея совершенство состоитъ въ пустомъ звукѣ, въ сложенныхъ басняхъ, и въ дѣйствіи пространной силы воображенія? Желаешь ли посвятить себя такой наукѣ, которая тебѣ

тебѣ хотя начертанїе великихъ людей и представитъ, но никакого способа не подастъ уподобляться онымъ? Или хочешь благоволенїе свое оказать такой наукѣ, которая правда выучитъ тебя, повѣствуемое тобою говорить приятно и восхищенно, но которая различїя между истиннымъ и ложнымъ, между добродѣтелїю и порокомъ здѣлать не можетъ? которая научила бы тебя приводить въ восхищенїе сердца другихъ, но неисправлять своего собственнаго? Или наконецъ хочешь оказать благоволенїе свое наукѣ, посланной учительницею отъ безсмертныхъ боговъ роду человѣческому? которая сердце твое исправлять, желанїи твои перемѣнять, тебя властителемъ твоихъ страстей, утѣхою твоихъ друзей, честїю и украшенїемъ рода твоего, и словомъ, такимъ мужемъ здѣлать можетъ, котораго потомъ всѣ Стихотворцы довольно трудами своими прославить не въ состоянїи будутъ, которой во всѣхъ Историческихъ преданияхъ рѣдко подобнаго себѣ найдетъ, и коего похвалу описывать, славнѣйшїе Риторы почтутъ за наилучщее предприятїе трудовъ своихъ? Небо, кажется назначило тебя, дражайшїй Катилїй Северъ, къ чрезвычайному.

ному. Оно готовитъ престолъ премудрости твоей, и такъ исполни то, чтобъ ожидали мы въ тебѣ получить государя добродѣтельнаго, друга премудрости, и любезнаго отца отечества, и дабы въ потомствѣ титулъ премудраго предъ всѣми протчими государями, въ тебѣ примѣчанія достойнымъ и славнымъ быть могъ,

Рѣшите теперь, почтенные судїи! Наградите собственнымъ вашимъ знанїемъ Философїи, недостатокъ рѣчи моея, и судите такъ, чтобъ науку мою не возвышало и не уничтожало. Премудрость ваша объ васъ свидѣтельствовать будетъ; со временемъ потомство узнаетъ, сколь достойны были вы не только судїями быть добродѣтельныхъ Римлянъ, но и нынѣшняго нашего словопрѣнїя!

РѢЧЬ
СТАРАГО ВЕРА
КО
МЛАДОМУ КАТИЛІЮ СЕВЕРУ.

Ты выслушалъ уже, любезный Катилій Северъ, споръ сихъ четырехъ искуснѣйшихъ мужей. Каждой изъ нихъ старался представить тебѣ науку свою въ полной ея славѣ. Теперь должно тебѣ самому объявить мнѣніе свое, которому изъ сихъ достойныхъ мужей удалось плѣнить сердце твое, и которой наукѣ преимущество ты дать намѣренъ? Публій Кассій изъяснилъ тебѣ Стихотворство, какъ науку, происходящую отъ самихъ боговъ; показалъ, какъ прославились многія государства великими своими Стихотворцами, предлагая, что и самый законъ много Стихотворству благодарить имѣетъ. И подлинно, что мы въ сочиненіяхъ Омира, Виргилія и Овидія прекраснѣйшія ученія о премудромъ провиденіи безсмертныхъ боговъ находимъ.

3 Однимъ

Однимъ словомъ, Кассій примѣрами и основаніями, дѣло свое утверждаетъ такъ, что кажется, яко бы онъ одинъ право на своей сторонѣ имѣетъ. Еній Метій, хотя не такимъ живымъ и пылкимъ способомъ, однакожъ разумными примѣрами доказалъ, что Исторія не только въ состояніи государство прославить, но и весьма оному полезна изображеніемъ великихъ людей. Въ семъ случаѣ казался, что онъ всѣхъ справедливѣе свойственно то, что великія дѣла благородныхъ предковъ послѣдователей къ добродѣтельному подражанію побуждаютъ. И подлинно, не знали бы мы ничего о изяществахъ опочившихъ нашихъ предковъ, ежели бы Исторія намъ такого вѣрнаго начертанія объ нихъ не оставила. Отмѣнную благодарность, Катилій Северъ, оказать долженъ ты Фронту, за то, что употребилъ онъ все свое искусство, и истощилъ всю силу Риторскаго жара, для произведенія въ тебѣ хорошаго понятія о своей наукѣ. Онъ не только представилъ тебѣ славу и пользу оной, но и доказалъ примѣромъ успѣхъ Краснорѣчія благополучіемъ народнымъ. Демосѳенъ симъ гораздо сильнѣе защищалъ отечество свое противъ Филиппа, нежелибъ безъ него могли здѣлать всѣ Афинскія войски. Цицеронъ

Красно-

Краснорѣчїемъ своимъ выгналъ Катилину изъ Рима, и оказалъ онымъ отечеству такую знатную услугу, что ему дозволили въ городъ въѣхать съ трїумфомъ. Правда мы познаемъ великость обоихъ сихъ мужей, и одна слава ихъ могла бы приписать побѣду Краснорѣчїю.

Напослѣдокъ еще Рустикъ, со всякимъ снисхожденїемъ и основанїемъ Философїи, доказалъ преимущество науки своей предъ всѣми другими науками. Онъ показалъ, что всѣ великїе Стихотворцы, всѣ великїе Историки, и знаменитѣйшїе Риторы, не были бы никогда столь славными, ежели бы они притомъ не были и Философы. Онъ дѣйствїя Философїи изъявилъ на сердцахъ человѣческихъ, и доказалъ, что она единая въ состоянїи здѣлать отечество благополучнымъ, что безъ сомнѣнїя пользу и честь по себѣ произведетъ. Вотъ Катилїй Северъ, сїи то тѣ науки, изъ коихъ ты одну для себя избрать долженъ. Я не могу въ ономъ дѣлѣ быть судїею. Отвѣчай самъ, для тебя установлено нынѣшнее Словопрѣнїе.

ОТВѢТЪ

ОТВѢТЪ

МЛАДАГО КАТИЛІЯ СЕВЕРА.

Признаюсь, я бы не осмѣлился сказать мнѣнія моего о семъ дѣлѣ, ежели бы ты самъ не повелѣлъ мнѣ сего исполнить, дражайшій Веръ, но когда тебѣ мысли мои о семъ угодны, такъ я намѣренъ изъяснить ихъ со всякимъ чистосердечіемъ. Публій Кассій показался мнѣ въ рѣчи своей съ лишкомъ разгорячившимся, какъ нежели чтобъ все предлагаемое имъ было справедливо. Искусство его, какъ думаю, весьма способно плѣнять слухъ, но не исправлять сердце человѣческое.

Еній Метій защищалъ такую науку, которая правда, дѣла великихъ людей описывать, но сама никакихъ великихъ мужей производить не можетъ. Откуда Исторія взяла самаго перваго героя, ею описываемаго? Вить она сама его здѣлать не могла. Краснорѣчіе кажется мнѣ со всѣми украшеніями своими сѣтію, уловляющею души, нежели учителемъ сердецъ нашихъ; и я не сомнѣваюсь, чтобъ искусной Риторъ не въ состояніи

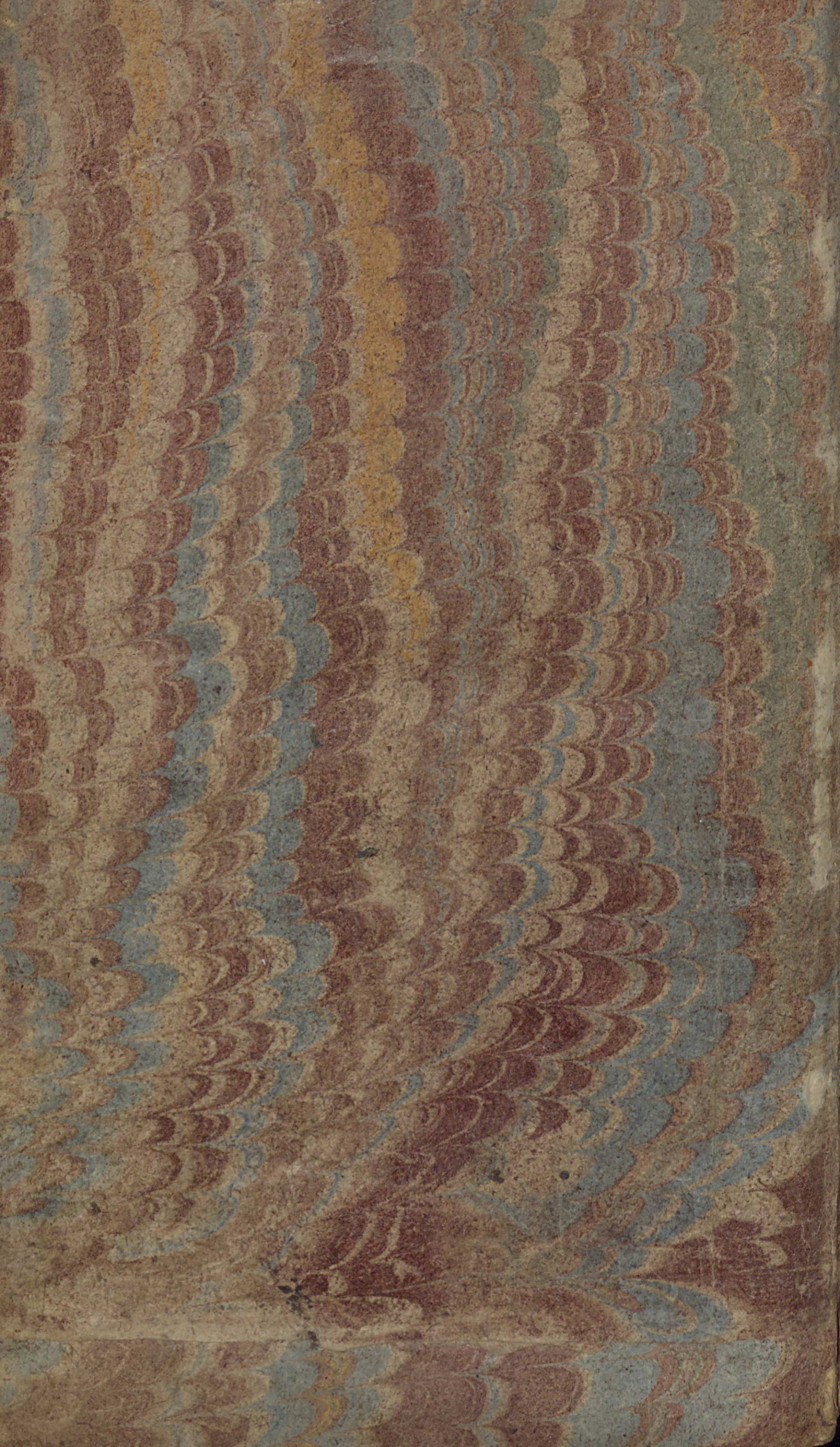
былъ

былъ ложное учинить такъ же справедливымъ, какъ самую истинну.

Единый ты Рустикъ! поразилъ сердце мое описанïемъ своея науки. Философïя одна въ состоянïи раждать добродѣтельныхъ и великихъ людей, и уподоблять ихъ богамъ безсмертнымъ. И для того прилѣплюсь я къ Философïи, и желаю тебя, любезный мой Рустикъ, съ согласïя дѣда моего Вера, избрать учителемъ своимъ въ такой божественной наукѣ.

60 110

РНБ РУССКИЙ ФОНД
18.92.5.37